

А.А. Свечин

КЛАУЗЕВИЦ

Гений
военного искусства

• НАУКА ПОБЕЖДАТЬ •

Наука побеждать (Вече)

Александр Свечин

**Клаузевиц. Гений
военного искусства**

«ВЕЧЕ»

1935

Свечин А. А.

Клаузевиц. Гений военного искусства / А. А. Свечин — «ВЕЧЕ»,
1935 — (Наука побеждать (Вече))

ISBN 978-5-4484-7794-2

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780—1831) — великий прусский военный теоретик и историк, автор фундаментального труда «О войне». Благодаря этой книге политики, историки и военные специалисты упоминают Клаузевица в числе самых выдающихся военных мыслителей Европы. Одна из причин такого широкого признания, которое получил незаконченный труд Клаузевица, заключается в его общефилософском характере. Знакомство с ним очень важно для военного специалиста и для каждого интересующегося вопросами войны. В настоящем издании представлена книга, посвященная жизни и трудам Клаузевица. Автором ее является Александр Андреевич Свечин (1878—1938) — русский и советский военачальник, военный теоретик и публицист. Несмотря на то что в отдельных оценках исторических процессов и личностей книга Свечина устарела, однако в главном — в исследовании жизни и глубоком анализе трудов гениального немецкого мыслителя — работа Свечина может быть названа одной из лучших в своем роде. В приложении представлена первая часть книги Клаузевица «О войне».

ISBN 978-5-4484-7794-2

© Свечин А. А., 1935

© ВЕЧЕ, 1935

Содержание

Шарнхорст	5
Ученичество	13
Роман стратега	20
В плену	28
Кружок реформы	35
Гнейзенау	43
Первые работы	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Андреевич Свечин

Клаузевиц. Гений военного искусства

Шарнхорст

Клаузевиц, великий военный теоретик, считал «отцом своего разума» Шарнхорста, являвшегося не только его учителем, но и вождем политического движения, к которому примкнул Клаузевиц. Шарнхорст был крупнейшим немецким военным реформатором эпохи национально-освободительных войн в Западной Европе, борцом против пережитков феодализма в армии и создателем всеобщей воинской повинности; он заложил те организационные основы, на которых базировались победы прусской армии в XIX веке.

Шарнхорст родился в 1755 году в ганноверской крестьянской семье. Отец его – бедняк, солдат, дослужившийся до унтер-офицера, вышедший в отставку и заставивший выскочку-кулака выдать за себя дочь. Отцу приходилось зарабатывать тяжелый хлеб арендатора и вести бесконечный процесс о наследстве жены.

Шарнхорсту хотелось идти по стопам отца и попытать счастья в военной карьере. Жизненным козырем Шарнхорста могло быть только образование. Он самоучкой изучил математику и французский язык и восемнадцатилетним юношей поступил на четыре года в небольшую, но хорошую артиллерийскую школу, основанную мелким немецким князем Шаумбург-Липпе-Бюксбургом. Здесь он получил солидную техническую подготовку и прикоснулся к материалистической философии французских энциклопедистов.

После окончания школы, двадцати трех лет, Шарнхорст поступил прапорщиком в ганноверскую армию. В то время офицерская карьера обычно начиналась в 12—15 лет, и сверстники Шарнхорста уже сильно подвинулись в чинах. Но Шарнхорст располагал всеми преимуществами хорошо образованного человека, представителя молодой, поднимающейся немецкой буржуазии. Как раз в год его приема в ганноверской армии прогремел любопытный случай: один из дворянчиков-офицеров, за неграмотностью, не мог написать прошения об отставке и был вынужден обратиться к помощи деревенского учителя. Однако в армии уже проявлялась тяга к образованию.

Молодой Шарнхорст был поставлен во главе полковой школы, где кадеты, прапорщики и более старые офицеры, не получившие никакого образования, должны были изучать математику, черчение, артиллерию, фортификацию, историю и географию. В 1782 году в Ганновере была основана артиллерийская школа; Шарнхорст преподавал в этой школе. Одновременно он начал издавать журнал «Военная библиотека». В двадцать восемь лет Шарнхорст достиг чина поручика, в тридцать семь лет – капитана.

Такое медленное продвижение по службе образованного офицера, сильного в технике и очень скоро обратившего на себя внимание всей Германии своими статьями и учебниками, объясняется особенной силой пережитков феодализма в Ганновере. Ганноверские курфюрсты уже столетие как стали английскими королями, жили в Лондоне и не показывались в своих родовых владениях. Но в Ганновере остался их дворец со всем придворным штатом. Гофмаршалы, гофмейстеры, фрейлины, придворные лакеи, конюхи и поставщики двора продолжали существовать по-прежнему. Давались придворные балы и обеды, с пустым местом для короля, около которого феодалы рассаживались по старшинству, по рангу.

Отец Шарнхорста, выиграв процесс, стал владельцем небольшого «дворянского» имения, то есть имения, дававшего своему владельцу значительные политические права. Будучи офицером и став сыном помещика, Шарнхорст мог бы легко сам получить дворянство, как становились до него дворянами тысячи других. Но такое решение задевало гордость Шарнхорста.

Он прочел «Общественный договор» Жан-Жака Руссо и не хотел для себя привилегий, он жаждал общего уничтожения привилегий. Он принадлежал к поколению, сознание которого формировалось в течение двух десятилетий, предшествовавших началу Великой революции.

Дядя Шарнхорста поставлял на придворную кухню рыбу. Молодой офицер не забывал, что этот простой человек помогал ему в годы, когда он бедствовал, – и продолжал ходить в гости к своему дяде. К Шарнхорсту приезжали его мать-крестьянка и сестра, бывшая заму-жем за арендатором мельницы. Он сам женился не на дворянке, а на дочери конторского писца.

Шарнхорст был несколько медлительным в своих движениях, внешне холодным человеком, неважным оратором, часто повторявшим одни и те же слова, очень вдумчивым и точным, но лишенным стилистического блеска писателем. Молчаливый, серьезный, настойчивый, прежде всего учитывавший уровень своей аудитории и соответственно снижавший свое изложение, Шарнхорст не представлял собой сразу бросающуюся в глаза фигуру. Лишь упорным трудом продвигался он к своей цели – расширить круг действий и отстоять, в борьбе с феодалами, свой идеал всесословной армии.

Критическое настроение по отношению к существующему строю и окружающей среде не могло не нарастать у Шарнхорста. В его письмах встречается горестное замечание, которое любил потом повторять Анатолий Франс: «Богословы и солдаты, чтобы отвечать предъявляемым им требованиям, должны быть недалекими». Это пишет человек, фанатически преданный военному образованию.

Поручик Шарнхорст, семейный, получал небольшое жалованье – 34 рейхсталера и 11 пфеннигов в месяц (около 25 золотых рублей). Некоторое подспорье голодному бюджету доставляла литературная работа. Но свой журнал Шарнхорст издавал не столько для прибыли, сколько для того, чтобы дать исход жажде деятельности и тяготению к широким военным вопросам.

Особенную известность Шарнхорст получил как реформатор артиллерии. Во второй половине XVIII века в артиллерии еще господствовали малограмотность и цеховщина. Шарнхорст подошел к артиллерийским вопросам с широким размахом. «Только в богословской науке больше предрассудков, чем в науке об артиллерии». Генералы обыкновенно довольны своей артиллерией, так как не понимают, какие требования ей можно предъявить. Между прочим, Шарнхорст первый организовал научно поставленные ружейные стрельбы. Шарнхорста Энгельс называл первым артиллеристом своего времени. О ценности Шарнхорста как специалиста можно судить по тому, что его двухтомной «Справочник артиллериста», изданный в 1801 году, через 40 лет был переведен на французский и русский языки. Немногие технические пособия могут похвастаться таким долголетием.

Настал 1792 год. Шарнхорст в своем журнале тщетно предостерегал коалицию от недооценки сил Французской революции. Ему пришлось принять участие в войне, но не на стороне революции, стремления коей были близки его сердцу, а в противоположном лагере, в ганноверской армии, среди наемников Англии.

Без каких-либо надежд и воодушевления пошел на эту войну Шарнхорст. Настроение его не было воинственным. «Нелегко смотреть беспартийным взором на эту войну и тем не менее точно и слепо следовать по дороге чести. Но воистину не дальше того, что требуется предрассудками нашего времени!» «Мы деремся за аристократов, которые нас тянут назад». «Скорее бы дал Бог мир. Я не рожден быть солдатом. Я легко переношу опасность, но вид безвинных людей, лежащих в крови у моих ног, пожар селений, которые люди строили для счастливой жизни, прочие жестокости и опустошения приводят меня в ярость и невыносимое состояние».

Шарнхорст не терял времени и продолжал на войне свою литературную работу. Он писал книгу, за которую рассчитывал получить сто талеров гонорара. Первые его письма домой полны просьб о высылке различных источников для работы. Вместе с тем на самом театре воен-

ных действий он не упускал случая зарисовывать крепости и производить съемку новых и старых полей сражения. Насколько Шарнхорст разбирался в новых сложных вопросах тактики, свидетельствуют сделанные им в то время записи: «Современная война с Францией могущественно поколеблет некоторые вопросы принятой теперь тактической системы»; «французские стрелки выиграли большинство боев этой войны»; «ни штыковые атаки, ни залповый огонь не будут иметь успеха против стрелковых цепей».

Ощущения и взгляды Шарнхорста на театре войны менялись. Чем ближе подходил прусский король к миру с Францией, тем воинственнее становился Шарнхорст. Боевая жизнь брала свое. «Мне стыдно признаться, – заявляет он вдруг в письме к жене, – я нахожу удовольствие в этом постыдном занятии...» Начальство еще не изменило своего отношения к Шарнхорсту: «Генерал Трев (начальник артиллерии) не благоволит ко мне. Он не может забыть, что я не гну перед ним по-рабски спину и говорю как свободный человек».

Однако популярность Шарнхорста в рядах армии с каждым боем увеличивалась, особенно во время начавшегося отступления англо-ганноверской армии. После поражения у Хондшоте он самовольно появился в арьергарде армии и по своей инициативе стал распоряжаться спасением отступающих войск. Его понимание карты и местности, обширные технические знания, умение сообразовываться с новейшими тактическими требованиями стали известны высшему командованию.

Особенную популярность он приобрел после осады Менэна. Две тысячи немцев были осаждены в слабой крепости Менэн двадцатитысячным французским корпусом генерала Моро. Шарнхорст в должности начальника штаба генерала Гаммерштейна руководил обороной Менэна. Когда все средства защиты крепости были исчерпаны, Шарнхорст предложил, вместо капитуляции, сделать попытку пробиться. Прорыв осажденного гарнизона, путем ночной атаки, удался. Благодарности от английского короля за это исключительное дело Шарнхорст, впрочем, не получил.

С Шарнхорстом давно уже начали советоваться в трудных случаях. В 1794 году, когда положение на театре войны изменилось к худшему, он был назначен генерал-квартирмейстером ганноверского контингента. Шарнхорст сразу же отказался от разброски войск кордоном и провел весьма важное мероприятие. До него контингент состоял из отдельных полков и батарей; в каждом отдельном случае из этих частей импровизировались отряды, с временным командованием во главе. Шарнхорст, с его сильнейшей тягой к организации, упразднил эту импровизацию и заменил ее постоянным делением войск на бригады из трех родов войск, с постоянным командованием и штабом. Для немцев это было крупнейшим новшеством. Под давлением общественного мнения пришлось пойти на производство Шарнхорста в майоры; впрочем, новоиспеченному майору сохранялось прежнее капитанское жалованье.

Ганноверские войска, вместе с прусскими, прекратили свое участие в войне против Франции с конца 1794 года, но еще долго стояли на демаркационной линии, отделявшей Северную Германию от театра продолжавшейся войны. Демобилизация последовала только в 1797 году. Шарнхорст немедленно вновь приступил к изданию своего военного журнала уже под третьим названием. В первом же номере воскресшего журнала Шарнхорст напечатал замечательную статью: «Развитие общих причин счастья французов в революционных войнах». Казалось бы, такая животрепещущая тема должна была привлечь внимание военных писателей и не сходить со страниц журналов того времени. В действительности же эта статья явилась единственной серьезной работой за десятилетие.

Статья Шарнхорста начинается с замечания: «Причины несчастий, обрушившихся на армии коалиции во французских революционных войнах, заложены глубоко во внутренних условиях союзных государств, с одной стороны, и французской нации – с другой». Здесь уже в зародыше высказано изречение Клаузевица, что война представляет продолжение политики

другими средствами и, в частности, что изменения войны в данную эпоху возникли из новой политики, вышедшей из недр Французской революции и охватившей все отношения в Европе.

Необходимость и национальная гордость, – пишет Шарнхорст, – сделали неизбежным для французов полное напряжение сил. Армия полностью могла опереться на гражданские власти и население. Только этим путем удалось получить порох, привести в порядок крепости, организовать транспорт. Если у государства не хватало средств, то налицо имелась достаточная решимость выжать их у богатых людей. Союзники же в вопросах войны постоянно проявляли колебания. Они боялись обратиться к собственному населению с требованием рекрутов. Крепости их оставались в печальном виде. Ни духовенство, ни дворяне, ни богатые не принесли никаких жертв для армии. Обветшавшие политические формы феодальной монархии мешали ведению войны.

Известнейшие немецкие философы Кант и Фихте, основываясь на опыте революционных войн, приходили в то время к выводу о бесполезности постоянных армий: ведь восторжествовавшие над союзниками революционные армии представляли собой по существу только милицию. Это мнение поддерживалось и крупным военным авторитетом того времени Беренхорстом, который соединил в себе глубокую ученость, необычайно сильный и красочный стиль и озлобление против Фридриха II и прусской армии с ее презрительным, бесчеловечным отношением к солдату. Шарнхорст оспаривает огульное осуждение постоянных армий, но он призывает отказаться от обращения их в инструмент для парада и приступить к подлинной их боевой подготовке, к обучению сражаться в соответствии с новыми требованиями тактики, в тесном взаимодействии между родами войск.

Материалистическая философия XVIII века не понимала диалектики исторического развития, перерастания одних исторических форм в другие и представляла их себе как застывшие. Метафизический материализм останавливался в бессилии перед вопросами развития в природе и в истории. Метафизика, неспособная понять и объяснить живую жизнь, сложную и пеструю цепь конкретных явлений, уклонялась в общие неподвижные схемы и выливалась в сухие, отвлеченные рассуждения. В военном отношении для этой метафизики XVIII века характерно отсутствие изучения развития военного искусства во всей его многосторонней конкретности, оторванность от политики, полное игнорирование вопроса о моральных силах, исключительное сосредоточение внимания на геометрической стороне вопроса – о направлении армий на театре войны и построении войск в бою – и признание вечных принципов военного искусства.

Годилась ли мудрость, извлеченная из изучения походов Фридриха II, для оценки войн и военного искусства Французской революции и Наполеона? Очевидно, нет, так как условия радикально изменились. На место незаинтересованного в достижении целей войны и склонного к дезертирству вербованного солдата буржуазная революция, разрушив феодальные отношения, выдвинула нового бойца-гражданина, охваченного «патриотическими» чувствами, способного в бою развернуть все свои природные качества, одиночную выучку и сметку. Еще в середине XVIII века войска довольствовались провиантом исключительно из магазинов (т.е. складов. – *Примеч. ред.*), подвозом с тыла, и эта линия подвоза являлась очень чувствительным местом; теперь армии начали жить местными средствами и приобрели способность совершать далекие походы и широкие маневры. Если раньше для крупных столкновений обязательно требовалась равнина, то теперь сражения стали даваться на любой местности – на высоких горах, в лесах, болотах. Все основы ведения войны и боя радикально изменились.

У Шарнхорста открылись глаза на исторический процесс развития. Он уяснил себе, что нельзя смешивать опыт двух разных эпох, что надо провести резкую грань между принципами, господствовавшими в Семилетнюю войну, и методами, выдвинувшимися в военном искусстве в период войн Французской революции, что необходимо пропитать историческим методом изучение всех вопросов войны, что понимание военного искусства сильно оскудело бы, если бы замкнулось только на опыте последних войн. Надо понять процесс развития, а для этого сле-

дует изучить опыт и предшествовавшей эпохи; только знакомство с ней позволит познать все своеобразие современного периода. Исторический факт должен изучаться во всей его конкретности: нельзя ограничиваться геометрической стороной ведения войны, которой часто вовсе не принадлежит решающее значение. Отсюда у Шарнхорста наблюдается неизвестное XVIII веку стремление переносить любой вопрос на почву истории.

Явная невозможность победить революционную Францию, сохраняя старый порядок и старую армию – сколок со старого порядка, – заставляла открывать взаимозависимость между явлениями, которые раньше, казалось, не имели ничего общего. В революционную эпоху Шарнхорст наравне со своими выдающимися современниками – Шеллингом, Фихте, Гегелем – становился на путь диалектики в ее идеалистической форме. «В период цветения повсюду распускаются розы, а в соседних садах плоды падают с дерева в одно и то же время», – говорил Гете.

Но это не была еще диалектика материализма – «самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии» (Ленин. Т. XVIII. С. 10), наиболее полно и всесторонне отображающее скачкообразный и противоречивый характер процессов изменения в природе и обществе. Это не была еще даже идеалистическая диалектика Гегеля, рассматривавшая весь естественный, исторический и духовный мир в его непрерывном движении и преобразовании, пытаясь раскрыть взаимную внутреннюю связь этого движения и преобразования. У Шарнхорста зачатки диалектического идеализма еще не выявились полностью и уживались рядом со многими взглядами метафизического материализма XVIII века, в которых Шарнхорст был воспитан и вырос.

Однако было бы ошибочно в материализме Шарнхорста видеть только шелуху, из которой вылупилось его историческое и диалектическое сознание, только пережиток, придававший его выступлениям в эпоху расцвета идеализма некоторую старомодность. Установленная им благодаря опыту Французской революции связь военных успехов с внутренним политическим состоянием государства, изложенная затем в изречении Клаузевица – война есть продолжение политики, – приводила Шарнхорста к радикальным выводам; его умственный взор направлялся к истокам – от войны к политике; если корень побед на войне заключается во внутренних политических условиях, то на них-то и надо сосредоточить все усилия. Надо создать политические предпосылки к всесословной армии, надо ввести общую воинскую повинность, а для всего этого нужно прежде всего побороть феодализм.

Военное искусство в представлении изучившего военную технику Шарнхорста трактовалось очень широко и охватывало не только стратегию и тактику, но и военную технику, а также и все политические вопросы построения боеспособной армии. Широкий размах его деятельности в конечный период жизни как фактического военного министра Пруссии содействовал углублению основного диалектического положения о войне. Военщина впоследствии повернула эту формулу на 180 градусов и значительно выхолостила ее содержание, видя в ней лишь политические директивы для стратегии, которая осуществляет их самостоятельно. Политика стала толковаться только как внешняя политика, не затрагивающая якобы классовых отношений внутри страны. Все это сводило на нет революционное значение нового учения. Армия, которую Шарнхорст понимал в динамике как продукт политической борьбы, представляла у реакционных идеалистов неизменную по качеству и лишь колеблющуюся по количеству силу. Шарнхорст безусловно верно был оценен реакцией, сосредоточившей против него все свои усилия.

На первых порах острие критики Шарнхорста направилось против феодальных пережитков в армии. Офицеры знали караульную, но не полевую службу. Старые генералы смотрели с презрением на «ученых» офицеров. Но в войне с Францией ученые офицеры оказались в несравненно более выигрышном положении, чем их беспомощные, вследствие своей темноты, товарищи. По мнению Шарнхорста, армия, в которой не ведется жестокая борьба

за образование офицеров, успеха иметь не будет. Хорошей и надежной может быть только та армия, в которой процветает военно-научная литература.

Отсюда вывод, к которому Шарнхорст многократно возвращался в течение своей деятельности: нужно бороться с протекционизмом. Производство в офицеры должно иметь непременно условием сдачу экзаменов по твердо установленной программе. Ведь часовщик или ювелир не становится мастером, пока не выполнит свою пробную работу. Проверка знаний должна явиться барьером, препятствующим засорению командного состава дворянскими недорослями.

Только широкий доступ буржуазии на офицерские должности позволит поднять уровень командного состава на необходимую высоту. Особенное внимание надо уделять очистке штабов. На смену аристократическим бездельникам штабы должны быть пополнены отборными опытными офицерами Генерального штаба, получившими специальную подготовку, умеющими производить съемку и прекрасно понимающими карту. Генеральный штаб должен целиком посвятить себя военному делу и не имеет права заниматься чем-либо, не имеющим к нему прямого отношения. Офицеры Генерального штаба не должны отрываться от войск: служба в штабах должна правильно чередоваться с серьезным стажем в строевых частях. Штабы должны быть постоянным органом и работать уже в мирное время.

После демобилизации ганноверской армии Шарнхорст представил проект военной реформы. Ганноверскую армию необходимо перестроить по-новому, подвести под нее базу воинской повинности и значительно усилить; иначе Ганновер станет первой жертвой французского завоевания. Шарнхорсту удалось мобилизовать значительные силы на поддержку реформы. Но в конечном счете реакционные феодалы взяли верх. Реформа была провалена. Это определило дальнейшую судьбу Шарнхорста. В служебном отношении работа в Ганновере доставляла ему только неприятности. Для его кипучей реформаторской деятельности эта обреченная государственность представляла неподходящие условия. Шарнхорста уже давно пыталась переманить на свою службу Дания. Он отказался. Теперь следовали настойчивые предложения со стороны Пруссии.

Прусская армия, равно как и русская, в XVIII веке держалась выгодного принципа смакивать у соседей способных офицеров. Квартирмейстерская часть имела задачей наблюдать за соседями и доносить королю о подходящих выдающихся офицерах. В 1797 году генерал-квартирмейстер Пфуль, имевший случай работать рядом с Шарнхорстом, доносил, что если бы удалось смакнуть Шарнхорста, это было бы ценнейшей находкой для прусской армии. Прусский король ознакомился с несколькими статьями Шарнхорста и присоединился к мнению Пфуля. Начались переговоры. Шарнхорст выставил ряд требований, свидетельствовавших, что он знал себе цену. Эти требования были удовлетворены, и в мае 1801 года Шарнхорст покинул застойный Ганновер и перешел на прусскую службу. Через два года Ганновер был без боя занят французскими войсками, и ганноверская армия перестала существовать.

Сорокашестилетний Шарнхорст чувствовал себя на первых порах в прусской армии новичком и иностранцем. Но последнее решающего значения не имело. Прусская армия приняла к иностранным офицерам. Сотни французских офицеров-гугенотов, бежавших из Франции после отмены Нантского эдикта о веротерпимости, стали в ее ряды еще в конце XVII столетия. Теперь к ним присоединилась волна французских эмигрантов. В прусской армии в войну 1806 года было около тысячи офицеров французского происхождения, что составляло не менее пятнадцати процентов.

Особенно много лиц непрусского происхождения было между крупными военными деятелями, так как прусское юнкерство (дворяне-землевладельцы. — *Примеч. ред.*) было недостаточно грамотно, чтобы выступать в ответственных ролях.

Шарнхорст начал с того, что представил королю три ценных записки с широкой программой реформы армии. Король направил эти предложения на отзыв к герцогу Брауншвейг-

скому, намеченному в случае войны на должность прусского главнокомандующего. Это был неглупый человек, в молодости отличившийся в Семилетнюю войну, но в корне испорченный долгой придворной жизнью; он стремился угодить каждому. Его заключение гласило, что «с одной стороны, нельзя не сознаться, но с другой стороны, нельзя не признаться». Хорошо, но сомнительно.

Реформа была провалена. Фактически реформа прусской армии в этот момент была невозможна. Путь вперед для нее был загорожен авторитетом Фридриха II. Всякая реформа являлась бы посягательством на освященные победами традиции Фридриха. Требовалось нанести Пруссии жестокий удар, чтобы вывести ее из окостенения, вызванного преклонением перед прошлыми успехами. Когда 90 процентов прусских войск было уже уничтожено под Иеной, отдельные предложения Шарнхорста начали осуществляться в спешном порядке.

Шарнхорст, в сущности, и не ожидал, что его предложения будут приняты. Он понимал, что проведение реформы требует упорной борьбы. Чтобы завершить борьбу успехом, нужны люди. Сейчас дело не в том, чтобы писать проекты, а в том, чтобы подготовить кадры, которые могли бы понять идеи реформы и вступить за них в бой. Эти кадры могли быть созданы ускоренным образом путем пропаганды и более медленно – через высшую военную школу. Шарнхорст начал по обоим путям готовить себе единомышленников. Немедленно по прибытии в Берлин он организовал кружок из девяти человек, решивших раз в неделю собираться для обсуждения военно-научных вопросов. Шарнхорст привлек и старого генерала Рюхеля, который всегда гнался за модой; это был генерал без старых предрассудков, но и без подлинной любви к новому; он был нужен Шарнхорсту, чтобы благонадежность кружка не вызывала сомнений.

В 1803 году кружок вырос до 120 офицеров и оформился в Военно-научное общество. В 1805 году число членов кружка в Берлине достигло уже 200, и стали открываться отделения в провинции. Общество издавало свои «Известия», в которых печатались рецензии – первые литературные работы Клаузевица. Основная идея работы общества заключалась в том, чтобы обратить внимание на различие принципов, которые вдохновляли действия в Семилетнюю и в революционные войны, постараться устранить механическое смешивание старых и новых начал и вместо господствовавшего разноречия мнений подойти к единой военной доктрине.

В самом обществе кипела борьба нового со старым. Имелись поклонники Наполеона и защитники идей бескровной войны, основанной на маневрировании. Французская революционная тактика одними оценивалась очень высоко, другие считали ее не стоящей внимания. Одни доказывали невозможность дальнейшего прогресса в военном искусстве, достигшем совершенства при Фридрихе II, другие утверждали, что только «развитие» дает ключ к правильным оценкам: «Армия Фридриха удержала Силезию только потому, что в своем развитии она в середине XVIII века обогнала другие армии». Одни (Бойен) являлись горячими защитниками боя в стрелковых цепях, другие были против. Были и программные доклады будущих сторонников реформы: о разделении армии на дивизии, об общей воинской повинности, о перевооружении армии заряжающимися с казны ружьями, о необходимости иначе подходить к вопросу о крепостях, которые оказывают ничтожное сопротивление вследствие негодности комендантов, плохих гарнизонов и незаинтересованности населения в обороне крепости.

В 1806 году, вместе с разгромом прусской армии, погибло и Военно-научное общество. Единственным результатом его деятельности было известное расслоение прусского офицерства: Шарнхорст приобрел здесь ряд горячих единомышленников, которые затем стали его сподвижниками по военной реформе; но общество кристаллизовало и противоположную группу – врагов реформы – Кнезебека, Борштеля, Лестока и других. Интриги и козни против Шарнхорста ведут свои корни отсюда.

Другой точкой приложения энергии Шарнхорста явилась военная школа. Еще Фридрих II после окончания Семилетней войны, чтобы несколько поднять образовательный уровень своих офицеров, почти сплошь получивших «общее образование дома, а военное – на службе», то есть не окончивших никакой школы, установил в 1763 году в важнейших гарнизонных городах «институты молодых офицеров»; в них собиралось некоторое количество офицеров на зиму для изучения общеобразовательных и военных предметов без какой-либо твердой программы. Такой институт в Берлине к 1801 году обратился в двухлетнюю офицерскую школу, влачившую, впрочем, жалкое существование.

Шарнхорст решил реформировать институт, разбив его на две части: первая должна была представлять как бы подготовительный факультет, а вторая, для уже подготовленных слушателей, Военную академию, которая в течение трех лет давала бы законченное высшее образование. Сам Шарнхорст стал фактическим директором этой военной школы. Свою реформу ему удалось осуществить только к 1804 году.

В 1806 году, после йенской катастрофы, военная академия также распалась. Но та полук-академия, которую застал Шарнхорст в 1801 году, сразу зажила подлинной научной жизнью. Программа резко изменилась. В 1803 году в ней читались лекции по стратегии – Пфулем и самим Шарнхорстом. Изучение военной истории и работа слушателей над решением конкретных тактических задач, прикладной метод, ныне признанный повсюду, были выдвинуты на первый план. И Шарнхорст мог быть доволен результатом подготовки своего выпуска: из двух десятков его учеников девять человек попали по конкурсу в Генеральный штаб, а пять других заняли более или менее ответственные посты в армии. Первым в этом выпуске, на который Шарнхорст не пожалел своих трудов, стоял Клаузевиц. Единомышленники, друзья и наследники подрастали...

Однако в 1806 году, когда Шарнхорст был призван на должность начальника штаба главнокомандующего, авторитет его стоял еще невысоко, и много сделать ему не удалось. Раненный в сражении под Ауэрштедтом, он продолжал работать в качестве начальника штаба Блюхера, командовавшего арьергардом гибнувшей прусской армии. Взятый в плен вместе с остатками арьергарда, Шарнхорст был выменен пруссаками на пленного французского полковника. Во время этих боев репутация его настолько поднялась, что прусские генералы чуть не дрались, чтобы получить Шарнхорста в начальники штаба. Блюхер категорически заявил: «Без Шарнхорста я ни к чему не способен».

После заключения Тильзитского мира Шарнхорст был поставлен во главе комиссии военной реформы и фактически стал прусским военным министром. Он вел борьбу с феодальными пережитками в армии, установил короткие сроки военной службы, скрыто подготовил запас военнообученных, провел в 1813 году всеобщую воинскую повинность, организовал ландвер и создал армию, близкую к буржуазному идеалу «вооруженного народа». Но ему не удалось закончить начатую им работу в области перестройки военной теории, унаследованной от эпохи феодализма и абсолютизма; эту работу блестяще продолжал преданнейший его ученик – Клаузевиц, который считал себя наследником и завершителем теоретической части жизненного творчества Шарнхорста.

Ученичество

Предки Клаузевицей (Клаусвицей) происходили будто бы из Польши. Они переселились в Пруссию в XVII веке, принадлежали к буржуазной интеллигенции и поставляли Пруссии в значительном числе пасторов, а также преподавателей богословия и чиновников невысокого ранга.

Бабушка Клаузевица вторым браком вышла замуж за штабс-капитана пехотного полка фон Хунда. Это обстоятельство определило жизненный путь отца Карла Клаузевица. Вместо того чтобы по семейной традиции поступить на богословский факультет, девятнадцатилетний Фридрих Клаусвиц в 1759 году, в разгар Семилетней войны, был определен юнкером в захудалый гарнизонный полк.

Военная карьера для недворянина в то время представляла большие трудности. В первой половине века происхождение на военной службе еще не играло решающую роль. Лихой вождь кавалерии великого курфюрста Пруссии, генерал-фельдмаршал Дерффлингер (1606—1695), в честь которого в 1912 году был назван лучший линейный крейсер германского флота, был сыном бедняка-крестьянина и начал свою жизненную карьеру, как гласит историческая традиция, в роли портновского подмастерья. Но повсюду в Европе, как только королевская власть становилась абсолютной, она расплачивалась с феодалами за лишение их части феодальных прав предоставлением им монополии на офицерские должности. Этот порядок твердо установился в Пруссии в начале века.

Конечно, при расширении армии чистота принципа страдала. Фридрих II был вынужден допускать бюргеров в захудалые части гарнизонной пехоты и в презираемую им артиллерию. Особенно малоразборчивым приходилось быть во время Семилетней войны, требовавшей большого напряжения. К концу войны Фридриху II приходилось даже зазывать буржуазию в армию. Сохранился эдикт 1762 года, в котором прусский король, указывая на разорение дворянства, особенно страдавшего от отсутствия покупателей на имения, обещал дворянство каждому пристойному бюргеру, который купит дворянское имение и выберет для одного из своих сыновей офицерскую карьеру.

Ввиду этих временных облегчений для бюргеров Фридрих Клаусвиц был произведен в 1760 году в прапорщики, а затем переведен из гарнизонной пехоты в полевой полк на пополнение убыли. Он участвовал в двух походах Семилетней войны, но из его послужного списка отнюдь не видно, чтобы он был ранен, как это утверждает семейная легенда. Все же он являлся «вспомогательным», а не кадровым офицером; он был своего рода прапорщиком военного времени XVIII века. В 1764 году он даже был произведен в подпоручики, но сейчас же после войны встал вопрос об удалении из армии офицеров недворянского происхождения. Демобилизация Фридриха Клаусвица встречала затруднения, так как у него не было никаких средств и надо было приискать ему маленькую гражданскую должность. Таковая нашлась к 1767 году, и подпоручик Фридрих Клаусвиц стал на протяжении всей дальнейшей жизни сборщиком акциза в местечке Бург близ Магдебурга, с содержанием 300 талеров в год.

Скоро он оказался обремененным большой семьей. Первого июля 1780 года родился четвертый его сын – Карл, будущий знаменитый военный теоретик. Отец, несмотря на свою бедность, тянулся, стараясь поддерживать знакомство с офицерами, изменил свою фамилию вставкой буквы «е», так что она читалась – Клаузевиц. Таким образом он стал однофамильцем силезской дворянской семьи¹. Он любил вспоминать героические походы Семилетней войны, говорить о несуществующем ранении и о затруднениях в розыске бумаг, доказывающих его

¹ Клаузевиц – старинная немецкая дворянская фамилия, ее носила семья силезских помещиков. Но она не имела ничего общего с предками знаменитого военного философа.

дворянское происхождение... А образование детей приходилось ограничивать одной начальной городской школой. Однако знакомство с офицерами и разыгрываемая им роль ветерана Семилетней войны позволили пристроить трех сыновей юнкерами в пехотные полки. Все трое стали потом генералами.

Для поступления в юнкера, которые являлись унтер-офицерами, носившими знамя, и кандидатами в офицеры, не существовало никаких ограничений в отношении возраста или образования. Зачисление на военную службу детей началось в ту эпоху, когда дворянство еще неохотно шло на военную службу. Отцу Фридриха II еще приходилось посылать полицейские команды, чтобы отбирать насильно у помещиков их сыновей и сдавать их «кадетами» в образовательные части. Такая же ловля дворянских «недорослей» происходила в XVIII веке и в России.

Возможность такого зачисления детей в армию сохранилась и в последующие годы, так как она представляла большие удобства для феодалов. Последние часто «записывали» своих сыновей в полки в самом раннем детстве. Военная служба для них протекала вначале чисто номинально, а к тому времени, когда дворянчик действительно показывался в армию, ему по бумагам зачитывался значительный служебный стаж, и успевали набежать чины.

Для отца Клаузевица вопрос складывался иначе. В нищенском бюджете семьи каждый лишний рот был на счету. Поэтому, как только Карлу пошел двенадцатый год и мальчик усвоил начальную грамоту, отец отвез его в Потсдам и сдал в полк на военную службу. Связь с семьей оборвалась очень рано, и семья не оставила у Клаузевица никаких воспоминаний. Он никогда не говорил ни об отце, ни о матери. Братья, ранее его поступившие на военную службу, иногда сталкивались с ним, у него к ним были кое-какие родственные чувства; но это были типичные грубоватые, преуспевающие прусские офицеры, и даже когда они стали генералами, Клаузевиц стеснялся показывать их своим знакомым.

Старая потсдамская казарма, в которую попал оторванный от семьи ребенком Клаузевиц, производила подавляющее впечатление. Приезжая в Потсдам потом, в конце своей жизни, Клаузевиц каждый раз испытывал дрожь и переживал тяжелые минуты, «В Потсдаме я всегда чувствовал себя чуждым и одиноким». Для Клаузевица военная служба в детском возрасте являлась отнюдь не синекурой.

Ему пошел только тринадцатый год, когда полк выступил на войну с Францией. Юнкер Клаузевиц должен был нести в походе знамя. Физическим развитием он никогда особенно не отличался. Во время больших переходов вместо выбивавшегося из сил заморенного мальчика знамя нес солдат; только когда проходили через селение или город, Клаузевиц с трудом клал знамя на свое плечо. В серьезных боях Клаузевицу не пришлось принять участия. Его полк был назначен в 1793 году для осады занятого французами и ставшего революционным центром Западной Германии Майнца. Война содействовала более быстрому прохождению начального стажа, к моменту сдачи Майнца Клаузевиц был произведен в прапорщики, а через два года, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет, — в подпоручики.

По своему развитию в эту эпоху Клаузевиц представлял собой нормального прусского офицера, пожалуй, стоявшего вследствие малой грамотности даже несколько ниже общего уровня. Его «пруссский» кругозор был крайне узок, и он, как и вся офицерская молодежь, полагал, что трещащая по всем швам при столкновении с французскими революционными войсками прусская армия старого порядка представляет чудо совершенства. Это был обыватель с непроснувшимся сознанием, во власти предрассудков старой эпохи. После производства в подпоручики он начал подписывать свою фамилию «фон Клаузевиц». Через десять лет, в декабре 1806 года, чтобы не ввести в заблуждение девушку, на которой он хотел жениться, он писал ей: «Мое дворянство такого рода, что надо быть ежеминутно готовым отстаивать его со шпагой в руке». При этом, однако, он просил не смотреть на него как на узурпатора, присвоившего не принадлежащее ему звание: он и его брат служили в полку, в котором все офицеры были исключительно дворяне; по рассказам отца, Клаузевиц и его брат составили себе твер-

дое представление, что они дворяне и что дед лишь позабыл выправить какие-то бумаги. Все товарищи считали их дворянами, они и стали прибавлять частицу «фон» к своей фамилии.

В действительности Клаузевиц и оба его брата получили дворянство только под конец жизни, по указу 1825 года. От товарищей Клаузевиц отличался лишь отсутствием кастовой ограниченности. Подлинные дворяне являлись наследниками и продолжателями помещичьих и юнкерских традиций, державших их как бы в шорах. А Клаузевица не связывали никакие традиции; нить, тянувшаяся к нему от буржуазии, оборвалась, а среди дворян он являлся чужаком.

К религии Клаузевиц проявлял полную индифферентность. Впоследствии, когда личность Шарнхорста уже наложила на Клаузевица свой отпечаток, его позиция по отношению к религии характеризуется следующими замечаниями: «Религия не должна отвращать наши взоры от мира, в котором мы живем»; «ни одна позитивная религия не может существовать вечно»; «большое неверие – моя главная добродетель или мой основной недостаток».

В 1795 году Пруссия заключила мир с Францией, и боевая карьера Клаузевица оборвалась. «Созерцание без мышления, – говорил Гете, – утомляет». Поэтому единственное сильное впечатление, вынесенное Клаузевицем из революционных войн, относится к моменту возвращения из района военных действий: «Нет ничего более интересного, чем момент, когда выходишь из крутых гор и перед тобой разворачивается плодородная, хорошо обработанная равнина со всеми своими богатствами. Я вспоминаю всегда с удовольствием картину, которая открылась передо мной, когда прусская армия покинула Вогезы. Мы провели шесть месяцев в суровых лесистых горах, бедных и меланхоличных. После тяжелого марша мы вдруг оказались на последнем отроге Вогезов, и перед нами внизу развернулась роскошная долина Рейна, между Ландау и Вормсом. В этот момент мне показалось, что жизнь, раньше серьезная и мрачная, становится милой и предстоит переход от слез к улыбке. Часто впоследствии я надеялся пережить еще раз такой момент. Но для этого требуется не только такая же картина, но и повторение тех же условий, в которых я тогда находился; тогда мои впечатления получили бы ту же силу и новизну».

Несколько месяцев полк Клаузевица провел на отдыхе, широко разбросавшись по деревням, и наш герой со своим взводом прожил их в одиноком крестьянском хуторе. Затем он попал в небольшой городок Ней-Руппин. «Находясь в маленьком гарнизоне, окруженный прозаическими явлениями и имея дело только с будничными людьми, я выделялся от лучшей части моих товарищей, то есть от весьма обыденных людей, разве лишь несколько большей склонностью к мышлению, к литературе и военным честолюбием, единственным пережитком ранних порывов». Клаузевиц сознавал, что он не может, как его товарищи, рассчитывать на помощь своих родителей, пустивших его в свободное плавание по жизненному морю, и что надо полагаться лишь на собственные силы, чтобы проложить себе дорогу.

Революционная эпоха, в которую Клаузевиц жил, крупные исторические события, свидетелем которых он являлся, заставляли его мечтать о том, чтобы сыграть в жизни крупную роль и прославиться. В 1807 году он писал невесте: «Мое вступление в жизнь произошло на театре больших событий, где решалась судьба народов, и мой взор тянулся не к храму, в котором домашний уют торжествует свое тихое счастье, а к триумфальной арке, под которой следует победитель, когда свежий лавровый венок украсит его пылающее чело».

Сведения о шести годах, которые провел Клаузевиц в полку после окончания военных действий, крайне скудны. Он не любил вспоминать тяжелые моменты своей юности. Командир полка был просвещенный человек, устроивший ремесленную школу для солдатских детей и подготовительную школу для кандидатов в офицеры. Но Клаузевиц уже перерос те знания, которые здесь можно было почерпнуть. Нет сомнения, что он упорно занимался самообразованием и изучал начальную математику и французский язык.

Из военных писателей Клаузевиц отдавал предпочтение одному из первых писателей по стратегии – Бюлову, на творчестве которого уже сказалось влияние революции. Впоследствии он его безжалостно разгромил.

В то время прусские офицеры зачитывались походами Фридриха II, являвшегося предметом их безграничного восхищения. Клаузевиц также прочел историю Фридриха II и некоторые его труды. Однако у Клаузевица нет и следов восхищения. По отношению к Фридриху II у Клаузевица всегда проявлялась трезвая оценка; более всего он ценил в нем готовность идти на риск, соединенную с мудрой сдержанностью в постановке цели, в соответствии с его скудными средствами.

Очевидно, уже в эту эпоху у Клаузевица выработалось его в высшей степени сдержанное отношение к новым людям, идеям, явлениям. Отсутствие детства, одиночество, окружение чуждого ему дворянства, несколько фальшивое положение вызывали в нем большую замкнутость и величайший скептицизм, потребность хорошо осмотреться и продумать пережитое с разных сторон, прежде чем высказаться или отдалиться своим впечатлениям. Он дичился не только новых людей, но и новых идей. Эта внешняя сдержанность маскировала внутреннее кипение, страстность, готовность идти на любые жертвы. Но мышление и чувства Клаузевица еще не были ориентированы. Любимым его поэтом был Шиллер. В маленьком гарнизоне не с кем было посоветоваться, было не много книг, не было учителей, интеллигентных людей, с которыми можно было бы побеседовать. В этих условиях достичь многого было невозможно. Умственный рост Клаузевица задерживался. Все же в 1801 году ему удалось выдержать приемный экзамен в Берлинскую офицерскую школу.

На первых порах Клаузевицу пришлось нелегко: он выбивался из сил, но не справлялся с заданиями. Учиться было трудно; жизнь в Берлине стоила дороже, чем в маленьком гарнизоне, и в бюджете образовался чувствительный прорыв. Возможности приработка к жалованью были ничтожны. Чтобы покрыть самые неотложные расходы, Клаузевиц за плату нес караульные наряды вместо состоятельных сверстников по офицерской школе. Это было связано с горькими минутами. Он научился молчать. Среди сверстников даже ходил слух, что он в одиночестве по-фельдфебельски «пьет горькую». Клаузевиц уже собирался бросить учение и возвратиться в свой гарнизон.

В критическую минуту, когда он начал докладывать директору школы Шарнхорсту о том, что не справляется с требованиями и уходит, ему улыбнулось счастье.

В лице Шарнхорста ему повстречался умный и отзывчивый наставник, который заинтересовался учеником и, несмотря на недостатки общей подготовки, открыл в нем крупные способности; больше всего, как видно из выпускной аттестации Клаузевица, Шарнхорсту бросился в глаза его «редкий талант давать явлениям верную оценку в целом». Он был озабочен тем, чтобы создать школу, чтобы растить и выдвигать людей, которые закончили бы начатое им дело. Проблески таланта в Клаузевице прельстили Шарнхорста. Рассчитывать провести в жизнь свои взгляды без широкой апелляции к общественности Шарнхорст не мог. Ему требовался выдающийся литературный сотрудник и преданный работник в предстоявшей борьбе. Клаузевиц вполне подходил к такой роли.

Шарнхорст сумел вдохнуть в Клаузевица веру в собственные силы, занялся им и крепко к нему привязался. Клаузевиц стал его баловнем и другом. У Шарнхорста со временем появилось много друзей среди единомышленников по военной реформе, но все они признавали привилегированное положение Клаузевица. Последний с удивительной понятливостью схватывал новые мысли Шарнхорста, отделял их от пережитков старого и преподносил Шарнхорсту в таком ясном истолковании и чеканной формулировке, которая умиляла наставника. «Только с вами я вполне понимаю себя, наши идеи постоянно совпадают или спокойно следуют рядом в неизменном направлении», – писал Шарнхорст своему ученику.

Учение в этих условиях стало даваться Клаузевицу очень легко. Поглощая мудрость Шарнхорста, Клаузевиц развивался с необычайной быстротой. Как и другие слушатели офицерской школы, Клаузевиц ходил в медицинскую академию слушать лекции Кизеветтера, философа второго ранга, популяризовавшего в Берлине учение Канта. Лекции Кизеветтера в 1801 году были посвящены морали, в 1802 году – эстетике.

Лекции Кизеветтера по философии имели для Клаузевица лишь общеобразовательное значение – такой же умственной тренировки, какой в молодости является изучение математики. Во всяком случае не может быть и речи о влиянии на Клаузевица элементов кантовской философии морали, права и государства. Попытки идти по скользкому пути от философии к политике вообще отрицались Клаузевицем.

Тезис о решающем влиянии Канта на Клаузевица яснее всего опровергается взглядами Клаузевица на источники энергии полководца и командира. Напрасно мы будем искать здесь у Клаузевица хотя бы малейший намек на кантовский «категорический императив». На первом месте у Клаузевица не сознание долга, а жажда славы и чести, обращающая общий успех как бы в личную собственность вождя. «Человек, и прежде всего полководец, в практической работе никогда не может являться только автоматом, выполняющим свой долг. Возложенный долг, поставленная задача должны обрести в его личном благородном стремлении тот поток сил, который позволит их осуществить». Выступая на войну 1806 года, Клаузевиц думал далеко не об одном абстрактном исполнении своего долга: «Война требуется моему отечеству, и, говоря откровенно, только война может привести меня к достижению счастливой цели». Подвигами на поле сражения Клаузевиц собирался преодолеть препятствия, стоявшие на пути к браку с любимой девушкой. На поле сражения Клаузевиц в критические минуты твердил себе не о долге, а слова: «Дело идет о чести, дело идет о Марии». Это противопоставление личных чувств кантовскому императиву чрезвычайно характерно для Клаузевица.

Всегда сдержанный, Клаузевиц относился с беззаветным увлечением лишь к одному Шарнхорсту, «отцу своего разума». У Клаузевица в лице Шарнхорста был в высшей степени разумный наставник. Но, конечно, ни один ученик не повторяет целиком своего учителя. Исторические сдвиги с каждой сменой поколений весьма заметны. Слова получают новый смысл.

Шарнхорст был на двадцать пять лет старше Клаузевица; он принадлежал к тому поколению, которое сознательно пережило подготовку, назревание и начало Французской революции. Отсюда в политике Шарнхорст прежде всего видел борьбу отдельных социальных групп, социальные сдвиги, вопросы внутренней политики. Сознание же поколения Клаузевица пробудилось к тому моменту, когда революция отошла на второй план, а на первый план выступил Наполеон с его завоевательной политикой подчинения своему господству всей Европы.

Политику Клаузевиц понимал прежде всего как внешнюю политику. Клаузевиц принадлежит уже полностью началу XIX века, он совершенно свободен от механистического материализма, при господстве которого начался рост Шарнхорста. Притом Клаузевиц в жизни оказался неудачником. Мы увидим, как все мечты его о том, чтобы приложить на практике свои силы, оказались разбитыми. Судьба заставила Клаузевица обособиться и уйти в военную теорию, в которой именно – а не в практике – проявилась его гениальность. Но эта отрезанность Клаузевица от практики, эта специализация на теоретической части наследства Шарнхорста привели его к тому, что он придавал малое значение материальной и технической стороне военного дела. Атмосфера реакции, в которой пришлось писать Клаузевицу, также не способствовала революционному внедрению в материальные основы военного дела. В результате Клаузевиц оказался гениальным теоретиком, гордящимся своим умственным родством с Шарнхорстом, но вполне оригинальным.

В 1803 году Клаузевиц, прекрасно сдав все работы, окончил школу и, по рекомендации Шарнхорста, был назначен адъютантом к племяннику Фридриха II, принцу Августу, молодому человеку, любившему весело пожить и нуждавшемуся в умном секретаре, так как сам он, по

характеристике, данной ему Наполеоном в 1811 году, был ветрогоном (*sans boussole et sans tête*). Эта должность не помешала Клаузевицу энергично продолжать работу над собой. На дворцовых приемах появилась фигура молодого, всегда молчаливого офицера. Клаузевиц при этом принимал энергичное участие в трудах Военно-научного общества, основанного Шарнхорстом.

В 1805 году в журнале «Новая Беллона» была напечатана первая значительная литературная работа Клаузевица «Замечания о чистой и прикладной стратегии господина фон Бюлова, или Критика содержащихся в ней взглядов». Эта статья, как и все, что при жизни печатал Клаузевиц, не была подписана им. Литературная работа не была тогда окружена ореолом почета. В противоположность периоду конца века журналы того времени были сплошь переполнены статьями анонимов. У Клаузевица были особые соображения не выставлять своего имени, но большинство офицеров боялось уронить свое достоинство, став литераторами.

Статья поражает нас своей законченностью и зрелостью. Она ставит крупнейшие проблемы, которые Клаузевиц берется в будущем разрешить, и содержит несколько важнейших положений его теории. Двадцатипятилетний автор, с запущенным в молодости образованием, выступает перед нами как философ, пытливо исследовавший коренные вопросы! Зрелость статьи объясняется тем, что она близка к дошедшему до нас наброску лекций Шарнхорста на ту же тему. Сохранились черновики этой статьи Клаузевица, уже полностью повторяющие мысли Шарнхорста. Появившаяся в печати статья разнится от черновика стилем, чрезвычайно красочным, пропитана иронией и является выдающейся по остроте полемики. Шарнхорст относился к Бюлову несравненно мягче. До Шарнхорста Бюлов держал мышление Клаузевица в плену своих геометрических построений; теперь «друг военного детства» получал реванш от переросшего его поклонника. В остальном же эта «программная», по мнению многих, статья Клаузевица представляет последний его ученический труд. Творчество Клаузевица началось уже за этим порогом.

Бюлов как военный теоретик – материалист XVIII века со всеми свойственными метафизическому мировоззрению недостатками, но ему принадлежит и передовая мысль, что политика относится к стратегии так, как стратегия относится к тактике, и что первенство всюду принадлежит политике. Бюлов так же, как и Шарнхорст, учился у Жан-Жака Руссо. Но он пошел другим путем. Это был выходец из подлинной феодальной аристократии, погрузившийся в богему, человек, подписывавший свои статьи полным именем и живший на нищенский литературный заработок, хотя его книги волновали всю Европу. Можно ли поставить ему в упрек, что не все у него было продумано, и наряду с гениальными откровениями встречались противоречия и просто газетная шелуха.

Бюлов был военный теоретик, своеобразный по сути своей антимилитарист. Он издевался над прусской династией Гогенцоллернов. За ним охотились все правительства Европы; высланный за революционность из Франции Наполеоном, которому он поклонялся, Бюлов был арестован в Пруссии, по требованию русского императора Александра I, за насмешки над походом к Аустерлицу и умер зимой на пути в Ригу под конвоем казаков, одетый в летний костюм... Это был человек, предостерегавший Пруссию накануне 1806 года о грозящей ей катастрофе, о том, что Наполеон, располагающий силами революции, без труда раздавит пережившую себя монархию старого порядка...

У Шарнхорста, несомненно, были основания подходить с исключительно деловой критикой к трудам Бюлова, не щадившего феодальных пережитков Пруссии. Клаузевиц же перешел в атаку со всей страстностью новоявленного военного философа.

В Бюлове было много парадоксального. По меткому замечанию эрцгерцога Карла, труды Бюлова напоминают грозу, которая дает ослепительную вспышку молнии в соединении с тьмой и бесполезным грохотом. Поклонник Наполеона, французской техники и новых начал организации армии, созданных Французской революцией, Бюлов является одним из первых теорети-

ков стратегии. Но новые формы наполеоновской стратегии Бюлов различить не сумел, и его стратегия полностью относилась к отошедшему уже в прошлое XVIII веку.

В то самое время, когда армии фактически перешли на довольствие местными средствами, Бюлов выдвинул линию подвоза продовольствия по коммуникационной линии с базы как элемент, всецело определяющий операцию. Стратегия Бюлова получила геометрическое оформление. Увлечение геометрией приводило к решительному подчеркиванию значения маневрирования – воздействия на неприятельские сообщения, занятия фланговых позиций, эксцентрического отступления, чтобы противник не мог погнаться за одной частью армии, не подставив свои тылы под удары другой части. Перевес значения маневра создавался Бюловым в ущерб значению боя. Не результаты сражений, а воздействие ученого маневрирования должно было определить исход войны.

Успехи цивилизаций, по мнению Бюлова, должны привести к торжеству бескровных форм войны. Ульмская операция 1805 года, в которой Наполеон заставил без крупного сражения капитулировать австрийскую армию Мака, привела Бюлова к выводу: «В наши дни сражения больше даваться не будут». Сводя всю стратегию к данным, которые заранее могли быть исчислены и подытожены – а механистический материализм XVIII века уделял внимание только таким, допускающим измерение данным, – Бюлов приходил к выводу, что вскоре и войны явятся бесполезным занятием ввиду возможности заранее надежно рассчитать результаты столкновения двух государств. В том, чтобы изгнать войну как средство разрешения споров между государствами, Бюлов и усматривал основную задачу теории военного искусства.

Учение Шарнхорста, конечно, было далеко от подобных утопий. Шарнхорст в 1806 году писал: «Мы начинаем ценить военное искусство выше военных качеств, что во все времена вело народы к гибели. Храбрость, самопожертвование, стойкость являются основными устоями независимости народа, и если наши сердца перестают для них биться, то мы уже кончены, хотя бы только что одержали большую победу». Для Клаузевица, при отсутствии боев, нет и стратегии, так как стихия последней – борьба. Моральные силы для Клаузевица стоят в центре внимания. «Стратегия занимается не только величинами, поддающимися математическому расчету. О нет! Область военного искусства распространяется и на все моральные явления, в которых человеческий разум может раскрыть пригодные для войны вспомогательные средства».

Вслед за Шарнхорстом Клаузевиц бракует бюловское, чисто механическое разграничение стратегии и тактики: по Бюлову, стратегия – наука о военных передвижениях вне поля зрения противника, а тактика – в пределах последнего. Однако собственное определение стратегии Клаузевиц оказался в силах дать только через шесть лет. Относительно выдвигаемой Бюловым схемы наступления и обороны Клаузевиц говорит, что форма наступления и обороны – только один из факторов чрезвычайно сложного целого; эта форма должна находиться в строгой логической связи со всеми конкретными особенностями данного случая и может поэтому подлежать самым различным изменениям.

Страстная резкость выступлений, беспощадные, уничтожающие характеристики вообще свойственны Клаузевицу. Но в данной полемике у Клаузевица звучали ноты личных нападок на Бюлова. По отношению к прусскому государству Клаузевиц никогда не занимал революционной позиции.

Роман стратега

Пруссия прекратила участие в войнах первой коалиции против революционной Франции в 1794 году.

Двенадцать лет прусская армия оставалась в стороне от начавшегося стремительного развития военного искусства. Прусские офицеры, правда, командировались в Южную Германию для изучения французских войск. Но они производили свои оценки исключительно с точки зрения достижений муштровки, в которой пруссаки, бесспорно, занимали первое место. Поэтому они приходили к выводу, что прусские войска легко справятся с более многочисленной (в полтора раза) французской армией: достаточно перейти в решительную атаку – и французы окажутся теми самими солдатами, которые под Россбахом без оглядки бежали перед Фридрихом II.

Прусский король всему этому плохо верил. Но его попытки реформировать армию по французскому образцу встретили сопротивление авторитетных стариков-генералов, являвшихся сподвижниками еще Фридриха II. Эти пережившие себя люди утверждали, что всякое заимствование у французов несовместимо с «духом прусской армии». Король, неуверенный в добротности своих войск, вынужден был держаться мирной политики и упустил благоприятный момент примкнуть в 1805 году к новой коалиции Австрии и России, вступившей в войну с Наполеоном. Прусское правительство стремилось к захвату Ганновера, но оно рассчитывало добиться этой цели, занимая роль арбитра между воюющими, как вознаграждения за свой нейтралитет.

Наполеон прекрасно разгадал прусскую политику. В начале 1806 года он согласился, чтобы Пруссия оккупировала Ганновер при условии выступления против Швеции и Англии, и поссорил на этом деле прусского короля с Англией. А затем Наполеон начал переговоры с Англией и предложил ей, как условие мира, вернуть Ганновер, изгнав оттуда прусские войска. Прусский король в августе 1806 года почувствовал себя пойманным на удочку и решился на войну с Наполеоном в очень неудачный момент, когда единственный союзник, на которого он мог рассчитывать, – Россия – не был готов к немедленной поддержке прусской армии. Война в этих условиях была выгодна для Наполеона.

В Пруссии партия войны с Наполеоном состояла из весьма различных элементов. Для Шарнхорста и его друзей на первом плане были не прусские интересы, а интересы объединения Германии, сознание коих заставляло их протестовать против хозяйничанья Наполеона в Южной и Западной Германии. Но решающую роль играли юнкера, являвшиеся принципиальными противниками Французской революции, и прусские принцы, рассчитывавшие на возвышение Пруссии в результате победы над Наполеоном. Клаузевиц как немецкий патриот был страстным сторонником войны, которую он считал освободительной. Широкие массы оставались равнодушными к вопросам внешней политики.

Идеологическая подготовка велась при помощи России. Писатель Генц был взят Александром I на агитационную работу. Весной 1806 года в Петербурге были отпечатаны вторым изданием его «Фрагменты новейшей истории политического равновесия в Европе», классический по мощности стиля и ядовитости мысли пропагандистский труд. Понятие политического равновесия перековывалось Генцем в наступательное оружие. Идея прусского нейтралитета толковалась Генцем как измена европейской цивилизации. Если сам Генц был доволен предисловием к своим «Фрагментам», которое, по его словам, «могло камень сдвинуть с места», то Клаузевиц был от него в полном восхищении. «Это предисловие, как присягу, надо заставить читать всех немцев ежемесячно; в головы же наших министров эти «Фрагменты» надо вбивать палками», – писал Клаузевиц.

Незадолго до начала войны прусский король разогнал по провинциальным городам вождей партии войны, представивших ему петицию о смене головки Министерства иностранных дел. С началом мобилизации они получили частичный доступ к браздам правления. Шарнхорст получил пост начальника штаба главнокомандующего, герцога Брауншвейгского, но часть прусской армии была выделена под команду принца Гогенлоэ, имевшего свою главную квартиру и во всем несогласного с главнокомандующим. Чтобы их мирить, за армией следовал прусский король с третьим штабом, не имевшим определенных занятий. Споры и совещания не прекращались.

В этой какофонии принцы и влиятельные генералы также стремились подать свой голос. Адьютант принца Августа, Клаузевиц, накануне разгрома также подавал через своего начальника архидерзкий проект переправы на глазах армии Наполеона через реку Заалу, которая течет в глубоко врезанной долине. Он не считался с тем, что, атакуя французов на закрытом и пересеченном правом берегу, прусский линейный порядок оказался бы совершенно бессильным против французских стрелков. Зато Клаузевиц выдвигал соблазнительную, но совершенно нереальную цель – прижать Наполеона к австрийской границе и заставить его капитулировать...

В течение этой кампании мы не заметим у Клаузевица и следа столь характерной для него впоследствии трезвости мысли. Могли ли люди, агитировавшие и боровшиеся за войну, выступить с благоразумным планом выжидания за рекой Эльбой подхода русских подкреплений, что означало бы уступку Наполеону без боя доброй трети прусской территории? Могли ли люди, стремившиеся к объединению Германии, отказаться от попытки увлечь наступлением другие германские государства – Саксонию, Гессен, Веймар? Прусский король, попавшийся на провокацию Наполеона, вступил в войну в невыгодных политических и стратегических условиях, а неопытные стратеги продолжали ошибочную линию политики. Осенью 1806 года зрелого понимания требований стратегии не было нигде: некоторые злобные, тупые консерваторы, как Кнезебек, враждебно относившиеся к войне с Наполеоном, высказывали мысль об обороне за Эльбой, а передовые и глубокие умы – Шарнхорст и Клаузевиц – стояли за гибельный наступательный план. Клаузевиц, исходя из ошибочных предпосылок, пришел к наиболее ошибочному плану. Широкие цели и наступление, по мнению Клаузевица, должны были являться душой этой войны.

Однако никаких материальных предпосылок для наступления не было. Состояние отсталой армии феодальной Пруссии уже исключало возможность рассчитывать на победу над передовой армией буржуазной Франции, уничтожившей путы Средневековья.

К этому времени относится начало романа Клаузевица и Марии Брюль, тесно переплетавшееся с участием Клаузевица в катастрофической для Пруссии войне 1806 года. Влияние Марии Брюль на молодого Клаузевица было значительно. Оно объясняет отчасти то состояние экзальтации, в котором он тогда находился. Мария отнюдь не напоминала малокультурных жен и дочерей прусских юнкеров начала XIX века. Она получила несравненно более утонченное образование, чем Клаузевиц.

Великолепные постройки Дрездена, в том числе знаменитая Брюлевская терраса, являются памятником большого художественного вкуса и архитектурного размаха деда Марии графа Генриха Брюля, всемогущего саксонско-польского министра при Августе III. На отце Марии, Карле Адольфе Брюле, лежит отпечаток утонченного придворного космополитизма XVIII века. Он выполнял дипломатические поручения в Петербурге, Варшаве, Париже, являлся генералом саксонской армии, а с гибелью ее в первые месяцы Семилетней войны продолжал сражаться против Пруссии в рядах французской армии. Он был женат на англичанке, и в 1787 году принял пост воспитателя будущего короля Пруссии Фридриха Вильгельма III. Предложение этого поста генералу враждебной коалиции вызвало известное недоумение и недовольство в юнкерских кругах; оно объясняется репутацией Карла Адольфа Брюля как

самого образованного и воспитанного немца из военной среды. После его смерти в 1802 году остались жена, сын и две дочери почти без всяких средств, но с крупными связями в Берлине. Дети успели получить выдающееся образование. Сын сражался против Наполеона в рядах прусской и австрийской армии, а впоследствии стоял во главе прусских музеев. Младшая дочь рано вышла замуж и через год, при рождении дочери, умерла. Старшая дочь, родившаяся в Варшаве в 1779 году, была Мария.

Ее мать, дочь английского консула в Петербурге, урожденная София Гом, была пропитана английским уважением к традициям, консерватизмом. Проведя всю жизнь на чужбине – в России, Польше, Саксонии, Пруссии – и будучи замужем за придворным космополитом, София Брюль в политическом отношении всегда оставалась верной дочерью консервативной Англии. Ее бедный вдовый салон в Берлине отличался строгими нравами и считался главным центром английской ориентации. Боровшаяся с Наполеоном Англия располагала в лице графини Софии Брюль бесплатной агентурой в Берлине. Здесь за скромной чашкой чая собирались такие непреклонные враги Наполеона, как генералы Штейн и Гнейзенау, прусские принцессы – бывшая королева Нидерландов, от которой кружок получил кличку оранжистов (династия Оранских), бывшая герцогиня Гессенская, – выгнанные Французской революцией и Наполеоном из их владений. В воспоминаниях ее племянницы Роховой этот салон описывается так: «Она и ее дочь, Мария Брюль, известная превосходным образованием в художественном и эстетическом отношениях, жили только политикой и ненавистью к французам... С представителями оранжистской породы я познакомилась у графини Брюль, у которой собирался кружок, живший исключительно ненавистью к Наполеону, надеждами на Англию и короткими сообщениями, дававшими пищу их распаленным взглядам. Как-то перед окнами графини Брюль Наполеон принимал парад. В квартире, конечно, на всех окнах занавеси были опущены. Один из присутствующих, никогда не видевший Наполеона, не утерпел и отодвинул край занавески. Немедленно же он был предан анафеме...»

Мария не являлась такой выдающейся красавицей, как ее младшая сестра, но по всем отзывам это была очень образованная девушка, серьезная и уравновешенная. Она приехала в Берлин восьмилетней девочкой. Ближайшей ее подругой была англичанка Маргарита Броун, дочь королевского врача, уехавшая в 1802 году на родину. Таким образом, по своему рождению и воспитанию Мария на добрую половину являлась тоже англичанкой, что втягивало и Клаузевица в русло английской ориентации. Это сказывалось и во враждебном отношении к наполеоновской Франции, и в преклонении Клаузевица перед английской парламентской системой.

Мария была тесно связана с женской частью прусской королевской семьи. Но и в кругах немецкой буржуазии она пользовалась наилучшей репутацией. Гнейзенау летом 1811 года так рекомендовал Марию, отправлявшуюся в Силезию, где она должна была навестить его жену: «У нее, кроме чрезвычайно культивированного ума, величайшая сердечная доброта и чрезвычайно приятное утонченное обращение с людьми. Здесь в Берлине она является одной из наших образцовых женщин и очень мало отвечает представлению, которое в ваших краях обычно имеют о берлинках. Я надеюсь, что ты ее хорошо примешь и дружески пойдешь ей навстречу. Помни, что ее суждение о тебе явится для Берлина определяющим».

В 1803 году, на вечере у принца Фердинанда Гогенцоллерна, Мария Брюль, только что снявшая траур, который она носила по отцу, познакомилась с адъютантом принца Августа, молчаливым бедным офицером Карлом Клаузевицем. Это был молодой человек, среднего роста, худощавый, с темно-каштановыми волосами, удлинённым лицом, с выразительными, но некрасивыми чертами лица, серьезный и почти мрачный. Бросалась в глаза одна его особенность: он мог зажечься и взволноваться каждую минуту. Но также ежеминутно он был готов преодолеть свое волнение и обратиться в самого холодного и трезвого наблюдателя, разбившего своим реалистическим подходом все иллюзии. «К этому грустному вечеру относится исток моего высшего счастья», – писала Мария.

Страстная поклонница Гете, она очень скоро поняла, что ее новый знакомый – не заурядный офицер, а человек с выдающимся по ясности и глубине складом ума, что за его холодным, сдержанным обращением таится величайшая готовность с пожирающей страстностью идти на подвиг и отстаивать дорогую ему идею. Начались встречи и беседы о гетевском Вертере, в стиле эпохи. Первое объяснение состоялось 3 декабря 1805 года. Клаузевиц на следующий день должен был выступить в поход, так как прусский король решил наконец вмешаться в войну Австрии и России против Наполеона.

Было утро; Клаузевиц в меховом магазине покупал вещи для зимнего похода. Неожиданно он оказался лицом к лицу с Марией. Предоставляем слово последней: «Покупатели входили и выходили; благодаря этому мы могли оставаться незамеченными в углу магазина. Я сказал ему, что надеюсь, что он не забудет своих берлинских друзей. Вероятно, мои слова значили меньше, чем то, как они были произнесены. Он взял мою руку и, целуя ее, ответил глубоко взволнованным голосом, очень значительно: «Кто вас видел раз, не забудет никогда». Его взгляд и тон, которым были произнесены эти слова, проникли до глубины моей души; я их буду помнить вечно. Молча и возбужденно оставались мы стоять в этом положении еще несколько мгновений. Моя рука задержалась в его руке. Если бы мы были одни, мы бросились бы друг другу в объятия, и я была бы богаче одним прекрасным воспоминанием. Но и так эта минута относится к лучшим и важнейшим нашей жизни. Мы поняли друг друга, и наш союз был молча заключен. Никогда я не забуду, что испытывала в этот день. Еще накануне на душе у меня лежала огромная тяжесть. Как только я оставалась одна, меня охватывали грусть и тоска. И вдруг, как будто каким-то колдовством, в одно мгновение все печали заменились блаженством! Я не думала ни о будущем, ни о прошлом; все это тонуло в блаженном состоянии – чувствовать себя столь любимой и выявить любимому свою любовь».

Клаузевиц скоро вернулся из бесславной прогулки прусских войск к границам Австрии: пока прусский король колебался, война Наполеона с Австрией была уже окончена. София Брюль и слышать не хотела о браке своей дочери с бедным штабс-капитаном неизвестного происхождения. У Клаузевица не хватало духа обратиться с формальным предложением вступить в брак, а без такого предложения Мария не имела достаточно решимости для борьбы с матерью. Встречи, однако, продолжались. Клаузевиц рассчитывал отличиться на войне, чтобы завоевать Марию Брюль, и как только осенью 1806 года выступил в поход, начал часто писать Марии.

Лирическое настроение Клаузевица ярко выступает в этих письмах. Он так описывает Марии походную колонну: «В разомкнувшихся рядах еще можно различить отдельные лица с их индивидуальными особенностями. Помимо плавно развертывающегося марша замечается еще много проявлений жизни и разнообразия. Один за другим мелькают бойцы и их снаряжение сквозь зеленые ветки молодого леса. Вдали нельзя уже разобрать людей, но оружие еще блестит сквозь облака пыли... Даже утомление людей, медленно ползущих в гору в сопровождении пушек и обоза, накладывает на картину удачный мазок. В моих мыслях мелькает, что эти люди предприняли совместное длительное и трудное путешествие, чтобы в результате, во имя великой и священной цели, оказаться на арене, где тысячи опасностей будут подстерегать их жизнь, и эти соображения придают развертывающейся картине глубоко волнующее значение».

В первых же дошедших до нас письмах Марии к Клаузевицу сохраняются следы стремления перевоспитать его на свой лад методами нежного и любовного воздействия. Она стояла за войну до победного конца.

Экзальтация, которую переживал Клаузевиц, заставляла его совершенно забывать о прямых интересах безопасности Прусского государства. Фридриху II, как высшее качество, он приписывает «гордую решимость погибнуть со славой». Высшая государственная мудрость рисовалась Клаузевицу как умение рисковать, идти на авантюру.

С ночлега у Россбаха, на поле сражения, где Фридрих II разбил французов, Клаузевиц пишет Марии: «У Фридриха имелась решимость все потерять или все выиграть, как у игрока,

бросающего на карту последнее достояние. Было бы хорошо, если бы наши государственные люди пришли к тому же заключению, что это мужество представляет только инстинкт самосохранения сильных характеров и является наивысшей мудростью. Самый талантливый, осторожный и вдумчивый полководец, размышляющий в спокойных условиях, не тревожимый никакими увлечениями, не найдет ничего лучшего, как действовать с такой же энергией».

С этими мыслями о риске можно сопоставить впечатление Клаузевица при виде Монблана: «Зрелище этих суровых горных массивов напоминает о чем-то большом, широко охватывающем. И когда взор скользит гигантскими шагами по вершинам скал, отвесно поднимающихся на многие тысячи футов, то невозможно, чтобы грудь не расширилась, не поднялась бы вера в свои силы и сознанием не овладели бы крупные решения и надежды». Роль этого Монблана в жизни Клаузевица периода 1805—1812 годов играла Мария.

Особенно поразительна слепота Клаузевица в стратегических оценках и переоценка собственных сил, которые он проявлял в начале короткой кампании 1806 года. За две недели до разгрома под Йеной Клаузевиц пишет Марии: «Судьба открывает нам теперь возможности мести, вызывающей бледный ужас на всех лицах Франции. Надменный император (Наполеон. — А.С.) будет свергнут в такую пропасть, где и костей его не соберут». А через три дня, 29 сентября, он добавляет: «Эта уверенность в победе была бы вне всякого сомнения, эта надежда обратилась бы в твердое убеждение, если бы я мог по собственному усмотрению руководить войной и управлять отдельными армиями».

За два дня до катастрофы Клаузевиц писал Марии, что он так радуется предстоящему столкновению, как радовался бы только в день свадьбы с ней, что он надеется на победу и рассчитывает скоро свидеться с ней или погибнуть на поле чести. Все суждения Клаузевица по стратегическим вопросам в момент решающих действий и еще два-три месяца спустя представляют такой же вывих мышления, как и это ожидание немедленного торжества над Наполеоном. Последний оценивал шансы Пруссии несколько иначе, предлагая прусскому королю, за два дня до развязки, капитулировать без боя, так как «Ваше величество ведь сознаете так же отчетливо, как я, что прусская армия будет разбита».

Принц Август и его адъютант, штабс-капитан Клаузевиц, находились 14 октября 1806 года на поле сражения под Ауэрштедтом. Клаузевиц со стрелками батальона, шефом которого был принц, принимал участие в штурме селения Попель, чтобы облегчить армии выход из боя. О переживаниях Клаузевица в этом бою не сохранилось никаких данных. Пруссаки располагали здесь тройным превосходством над французским корпусом Даву и все же отступили.

Любопытно, что еще два месяца спустя Клаузевиц оправдывал решение отступить, не использовав всех сил, и вдвое преувеличивал силы французов. Только впоследствии Клаузевиц уяснил, что у Ауэрштедта надо было драться до конца за победу; в конечном итоге отступление, правда, было неизбежно, но моральный капитал, нажитый на поражении Даву, позволил бы выполнить отступление не в столь катастрофических условиях, как это имело место в действительности.

Две недели в бедственных условиях продолжалось отступление прусской армии форсированными маршами, вернее, бегство. Те красочные страницы, которые в капитальном труде Клаузевица посвящены отступлению после проигранного сражения и преследованию, несомненно несут тяжелый отпечаток этого отступления. Совещания более не собирались, принц Август вступил в командование подшефным ему батальоном, а Клаузевиц, оставив высокие сферы стратегии, обратился в батальонного адъютанта. На этих постах мы застаем их утром 28 октября, в арьергарде армии Гогенлоэ, подтягивавшейся к Пренцлау.

Пятнадцать дней стремительного отступления истомили пруссаков до крайности. В армии насчитывалось только 12 тысяч человек. В батальоне Клаузевица, почти не участвовавшем в боях, оставалось только 240 человек; две трети батальона дезертировало или, выбившись из сил, отстало и сдалось французам. Конница Мюрата окружила армию Гогенлоэ,

и последний капитулировал. Но французы имели при этом неосторожность отрезать от армии батальон принца Августа и кавалерийский полк. Принц решил улизнуть в сторону. Он дал задачу кавалерийскому полку прикрыть отход. Но прусские кавалеристы, отъехав в сторону, сразу пустились большим аллюром и скрылись из виду. 240 пехотинцев остались одни и стали уходить. Французская кавалерийская дивизия Бомона заметила их и выслала части для преследования.

Интересен следующий эпизод, показания о котором Клаузевица и французского майора Рейзе в основном совпадают. Французские драгуны поскакали в атаку. Положение прусского батальона было почти безвыходным. Батальон остановился и перестроился. Офицеры повторяли солдатам запрет – не стрелять, пока кавалерия не доскачет вплотную. Раздалась команда: «пальба батальоном». Клаузевиц пишет: «В эти минуты мне вспомнился пример из сражения под Минденом (Семилетняя война. – А.С.), где французская кавалерия атаковала два ганноверских батальона. Последние не открыли огня на обычной дистанции и молча ждали. Кавалерия постепенно начала сбавлять галоп, перешла в рысь и, наконец, в шаг. То же явление повторилось теперь на моих глазах. Французские драгуны неслись галопом. Было видно, что они с беспокойством ожидают момента нашего залпа. Они доскакали на сотню шагов, а залпа еще не было. Тогда они начали сдерживать лошадей и переходить в мелкую рысь. Залп последовал, когда они находились в тридцати шагах. Довольно много всадников упало, другие нагнулись к шеем лошадей, резко повернули и умчались полным ходом... Наши люди находились в состоянии полного морального и физического истощения; французская конница, вследствие непрерывного ряда успехов, отличалась большой дерзостью и предприимчивостью; наличные силы – 240 пехотинцев против 1500 кавалеристов – были столь неравны, что наше положение, несомненно, было чрезвычайно критическим. Нас спасло хладнокровие унтер-офицеров и офицеров и приказание задержать открытие огня. Во всех случаях, когда конница врывается в пехотные каре (построение четырехугольником. – А.С.), можно быть уверенным, что пехота потеряла строй и ослабела, пока храбрые кавалеристы еще не успели повернуть назад, или же она открыла огонь слишком рано, и к моменту шока кавалеристы не получили выстрелов в упор».

В этих строках чувствуется гордость пехотинца и притом ученика Шарнхорста. Последний имел кличку «убийца прусской конницы», так как провел реформу армии в 1808 году прежде всего за счет дорогого рода войск – конницы. Яркие антикавалерийские настроения характерны и для капитального труда Клаузевица.

Стремление отделаться от назойливых атак заставило принца повернуть батальон на проселок, шедший болотами реки Укер, несмотря на предупреждения крестьян, что проселок не проезжий. Пруссаки забрались в болото, пересеченное канавами, в котором люди проваливались по пояс. Патроны намокли. Лошадь принца завязла. Все выбились из сил. Наконец пруссаки стали выбираться небольшими группами из болота, и, бросив ружья, начали сдаваться наблюдавшим их зловключения французским драгунам.

Но ни личные переживания, ни общие результаты осенней кампании 1806 года, когда в течение одного месяца в сражениях под Йеной и Ауэрштедтом и шести последовавших катастрофах пруссаки из 174-тысячной армии потеряли 160 тысяч человек, еще не сломили упорства Клаузевица, отказывавшегося признать негодность прусской армии старого порядка для борьбы с поднявшейся на высшую ступень французской армией. В течение полутора месяцев, которые он провел еще в Германии, до отсылки во Францию, Клаузевиц успел поместить в гамбургском историческом журнале «Минерва» три «Исторических письма».

Война продолжалась, и Клаузевиц как немецкий патриот считал, что не имел морального права уничтожать последние надежды немцев. Только это соображение может быть приведено для оправдания той роли защитника старой прусской армии, которую взял на себя Клаузевиц в этом отчете немецкой общественности о причинах катастрофы. Но не следует придавать

этому соображению особой цены. Повязка с глаз Клаузевица еще не спала, он еще не прозрел. В чем причины катастрофы? Для гибели армии, – отвечает Клаузевиц, – ничего чрезмерного не требуется. Без какой-либо вины войск на них сыплются злейшие напасти только по причине посредственности, вследствие недостатка моральных импульсов и отсутствия гениальности отдельных лиц.

Теневые стороны отсталой феодальной армии, вымуштрованной палками капралов, не вскрываются здесь Клаузевицем. Он защищает нелепый прусский план наступательной войны и оправдывает отступление в сражении под Ауэрштедтом, которое можно было выиграть благодаря превосходству сил. Он прославляет Блюхера, который по совету Шарнхорста, прижатый к датской границе тройными силами французов, не капитулировал, а принял отчаянный бой и был захвачен на следующий день с остатками своего корпуса. «Имя Блюхера для меня останется навсегда воспоминанием о человеке, в минуту величайшей опасности поднимавшем мужество нации». Работа Клаузевица заканчивалась призывом, явившимся пересказом Генца: «Нам нужно удвоить наше мужество, чтобы вместе с народом нести злоключения и стыд нашего времени. И все же я обращаюсь ко всем немцам: уважайте сами себя, что означает – не отчаивайтесь в вашей судьбе»².

«Письма» Клаузевица объективно являлись защитой прусского юнкерства, проигравшего войну. Оценка Клаузевицем прусской армии 1806 года пропагандировалась впоследствии и Большим прусским генеральным штабом, и фон дер Гольцем и целиком подхвачена в фашистской Германии: прекрасна была фридриховская армия, да кое-какие генералы подкачали.

В начале 1807 года Клаузевиц, переживая тяжелый внутренний кризис, покончил с предразсудком о высоких качествах прусских войск. Ведь ни одна армия не склонилась так бесславно под ударами Наполеона, как прусская. Он начал писать для себя мемуары о войне 1806 года. «Я буду здесь рассматривать вопросы, по которым нельзя выступать публично». К сожалению, эти мемуары до сих пор не опубликованы.

Мы можем судить о них по немногим выдержкам, сделанным лицами, просматривавшими семейный архив Клаузевица: «Офицеры и солдаты не были втянуты в войну, а генералы не отдавали нужных распоряжений». «В нашем коротком походе я видел только дурное и гнусное». «Мы не только проявили полную бесталанность, но не сумели действовать и сколько-нибудь школьно-правильно».

Клаузевиц научился отличать подлинную воинскую доблесть передовой французской армии от спеси, тщеславия, самомнения прусской военщины, культивировавшей традиции фридриховской армии.

В нашем распоряжении имеется первый том большого неоконченного труда Клаузевица, написанный через пятнадцать лет после событий³ и изданный спустя восемьдесят лет. Этот первый том начинается с политической характеристики прусского государства, обрисовывает затем резкими чертами, без малейшей снисходительности, важнейших государственных и военных деятелей и дает общий очерк кампании 1806 года.

Колоссальная пропасть отделяет мышление политически созревшего Клаузевица от тех наивных чаяний и соображений, которые мелькали в его мозгу во время похода. Эта пропасть создана уроками жизни. Чтобы показать, что они не пропали даром для Клаузевица, мы приведем выдержку из итогов, подведенных созревшим Клаузевицем. «Окостеневшая Пруссия представляла собой безжизненное тело! Какая-то слепота препятствовала ей постигнуть свою слабость. Слышен был шум государственной машины, и никто не задавался вопросом, продолжает ли она еще давать полезную работу».

² У Генца: «Немцы, достойные своего имени, не отчаивайтесь». Предисловие к «Фрагментам». С. 41.

³ «Nachrichten über Preussen in seiner grossen Katastrophe».

Рутин, как и повсюду, господствовала в армии. Членом кабинета, докладчиком по военным вопросам являлся королевский генерал-адъютант. На этот пост назначался придворный с мягкими манерами, искусный в составлении ничего не значащих резолюций.

В военной коллегии все думали только о том, как сложить с себя всякую ответственность. В самой армии было много слабых сторон.

По словам Клаузевица, который не сумел вскрыть социальные корни «состояния умов» в Пруссии, широкие массы были настроены отнюдь не воинственно. Крестьяне и ремесленники не имели никакого представления об угрожающих успехах Франции при Наполеоне. Правительство ничего не сделало, чтобы подчеркнуть нависшую над Пруссией опасность. Наоборот, оно постаралось скрыть оскорбления, которым подвергалось национальное достоинство, и распространяло убеждение, что политика нейтралитета наилучше обеспечивает интересы государства.

Народ чувствовал себя в полной безопасности. Осведомленные же люди частью восхищались французскими порядками и готовы были с радостью принять опеку Наполеона, а частью, не разрывая полностью с прусским патриотизмом, находили, что лучше всего продолжать политику мира.

В дальнейшем изложении Клаузевиц безоговорочно признает ошибочность наступательных замыслов прусского плана: слабая прусская армия, соединявшая в себе худшие стороны постоянной армии и милиции, не должна была и мечтать о том, чтобы своими силами справиться с Наполеоном. Надо было оставаться за рекой Эльбой. Встретясь с Наполеоном на реке Заале, нечего было и думать о форсировании этой реки – надо было пытаться ускользнуть. Но раз втянувшись в бой под Ауэрштедтом, надо было довести его до конца, чтобы обеспечить этой победой последующее отступление.

Опирающийся на исторический опыт, более глубокий анализ событий 1806 года заставил Клаузевица изменить на 180 градусов все оценки и стратегические намётки, которые он делал в двадцатилетнем возрасте.

Несмотря на засвидетельствованную Шарнхорстом редкую способность давать явлениям оценку в целом, Клаузевицу пришлось пройти длинный жизненный путь и провести много лет в размышлениях, прежде чем он нащупал твердую почву под своими взглядами на войну и военную историю.

В плену

Вместо отличия за подвиги, которое должно было облегчить ему завоевание Марии, Клаузевиц оказался захлестнутым катастрофой прусского государства и в плену у французов. Первые два месяца он оставался на свободе в Пруссии. Мария сознавала, что наступил момент для принятия решения. В конце 1806 года Клаузевиц со своим принцем подлежал отправке во Францию. В день отъезда произошло свидание Клаузевица с Марией, устроенное последней у знакомых. «Эта новая встреча была для меня неописуемо хороша. Пережитые опасности изгнали из моего сердца всякий след страха или горделивой сдержанности и дали мне полностью почувствовать, чем для меня был Карл. С душевной любовью и полнейшим самоотречением прижала я его к своему сердцу».

За этим свиданием наступила разлука, продолжавшаяся целый год. В декабре 1806 года принц Август вызвал в Берлин своего адъютанта Клаузевица, чтобы в его сопровождении ехать в Нанси. Через некоторое время принц перебрался в Суассон, откуда можно было выезжать в Париж, чтобы там развлекаться. Уже в Берлине принц Август имел заслуженную кличку Дон Жуан. Пребывание во Франции открыло широкую арену для его талантов. Молодой и статный принц, таская за собой своего адъютанта, ежедневно появлялся в светском обществе. А Клаузевиц переживал тяжелую внутреннюю драму. Он ведет обеспеченное, но никчемное существование адъютанта королевского принца, в то время когда его друзья продолжают отчаянную борьбу.

Поведение принца Августа глубоко раздражало Клаузевица. Единственной заботой Клаузевица было, как бы принц «как гражданин своего государства не выкинул бы что-нибудь постыдное», «что может принести вред немцам». Для роли Лепорелло Клаузевиц совершенно не подходил. Под влиянием этих злоключений характер его стал еще более мрачным и угрюмым. Он становится беспощадным и к себе и к людям. При этом презрение к людским слабостям, уже начинающее отчуждать Клаузевица от общества, сочетается в нем с гнетущим чувством неуверенности в своих действиях. Ведь все данные им в 1806 году оценки оказались ошибочными.

Особенно тягостное впечатление произвело на Клаузевица пораженческое настроение немецких народных масс, когда французы отвозили пленных принца Августа и Клаузевица в Берлин. Не узнавшая их жена смотрителя почтовой станции упорно допытывалась у Клаузевица – удалось ли французам забрать решительно всех прусских солдат? Клаузевиц поинтересовался, зачем ей это знать. Он получил исчерпывающее объяснение: война и нашествие французских войск приносят большие убытки, которым не видно конца, пока война будет продолжаться. Исход войны все равно был уже ясен каждому после йенской катастрофы. Теперь все свои упования бюргеры возлагали на то, что французы быстро переловят оставшихся прусских солдат – и войне конец...

Пораженческие настроения разделялись и правящими верхами. Немедленно после разгрома прусской армии союзники Пруссии – Саксония и Веймар – заключили сепаратный мир с Наполеоном. Коменданты крепостей – Эрфурта, Шпандау, Штеттина. Кюстрина, Магдебурга – считали продолжение войны безнадежным и заключали сепаратный мир на свой лад, сдавая крепости при подходе передовых частей французской конницы. Прусский король, тщетно пытавшийся остановить продвижение французов просьбой о перемирии, уехал под защиту русских штыков в Кенигсберг. Но за ним последовала только половина министров, другая половина осталась в Берлине и предложила Наполеону свои услуги по управлению оккупированной территорией Пруссии.

В этих условиях Клаузевиц временно отступил от своего политического идеала – конституционной монархии с парламентом по английскому образцу – и ухватился за идею дикта-

туры сверху, при помощи которой, приказом свыше, в целях защиты национальной независимости, можно будет организовать народное восстание против наполеоновской Франции. Такое же, но более мимолетное увлечение в этот период идеей единоличной диктатуры для спасения Германии отмечается и у философа Фихте, к которому Клаузевиц обратился даже с письмом⁴. Крайним представителем идеи единоличной диктатуры для спасения государства является известный флорентинец эпохи Возрождения, Макиавелли, и немудрено, что Макиавелли одновременно стал любимым писателем и Фихте и Клаузевица.

Клаузевиц утверждал: «Ни одна книга в мире не является более необходимой политику, чем труд Макиавелли». «Это кодекс всякой дипломатии, и горе тому, кто отойдет от этого кодекса».

Эта идея единоличной диктатуры отнюдь не была революционной. Она ничем не напоминала «якобинской» диктатуры во Франции, опиравшейся на мелкобуржуазные массы. На идее единоличной диктатуры базировал Макиавелли свои надежды на объединение Италии. Диктатура прельщала Клаузевица как средство революции сверху. «Правительство достаточно часто применяло средства принуждения против своих народов, преследуя узкие цели, исходя из намерений невысокого полета. Таким образом, патриархальное правительство, каким является прусское, может также энергично применять все средства принуждения, находящиеся в его распоряжении, чтобы заставить народ выполнить свой священный долг. Существует принуждение – и притом ужасное принуждение, – которое все же вовсе не является тиранией». Отголоски этих мыслей использования диктатуры для организации восстания встречаются у Клаузевица до 1811 года, в частности в проекте создания ландштурма.

Против увлечения Клаузевица мыслями Макиавелли о спасении посредством единоличной диктатуры выступил его наставник Шарнхорст, который более глубоко понимал условия победы в освободительной войне. В очень ласковом письме от 27 ноября 1807 года он поучал Клаузевица, что решающее значение для спасения нации имеют массы и что возможность производить сдвиги сверху ограничена. Однако Шарнхорст выступал против «революции снизу», ратуя за «постепенное развитие». Нужен органический рост, становление: «Вот все, что мы можем: разрушить старые формы, освободить от оков предрассудков, быть восприимчивыми при рождении нового строя, ухаживать за ним и не мешать его свободному росту, – дальше этого круг нашего воздействия не распространяется».

Развивавшийся в Клаузевице пессимизм, значительно ослаблявший его дееспособность, характеризуется им в письмах к невесте так: «У меня не может быть радости, против которой сейчас же не ополчилось бы внутреннее враждебное начало. И едва лишь радость замелькает в грациозном танце перед моим очарованным взором, как уже настигает ее ядовитая стрела и она безжизненно поникает. Этот беспощадный стрелок, сидящий во мне, является или сыном несчастья, вступившим в ужасный союз с цветущей порой нашей жизни, или печальным инстинктом – злым другом детства моего духа, возвращенным во мне природой; а может быть – это внимательный страж моего здравого рассудка, несущий исправно службу – этого я не могу решить».

Очень тяжело переживал Клаузевиц катастрофу прусского государства, отразившуюся и на его личной жизни: «Жизнь моя – бесследное бытие. Человек без отечества – отвратительная мысль. Жизнь его – это нить, выдернутая из ткани, ни к чему уже негодная». Унижение Пруссии Наполеоном после Тильзитского мира вызывает в нем чувства озлобленного национализма, доходящие до бреда. «Нет такого человека в мире, который испытывал бы большую потребность в национальном достоинстве и чести, чем я». «Мы должны не бояться, а скорее желать полного завоевания. Гораздо страшнее для нас постыдное состояние, при котором обы-

⁴ Письмо неизвестного офицера. Том VII сочинений Фихте. Изд. 1925 г. В нашем распоряжении, к сожалению, этого издания не было.

вательскому существованию ничто не грозит, а независимость и достоинство государства утрачиваются».

Клаузевиц приветствует то, что наполеоновская политика угнетения не усвоила мудрого политического приема римлян – не вторгаться в частную жизнь побежденных народов. Французы дают наглядные уроки никчемности обывательского индивидуализма и подчеркивают зависимость условий жизни каждого в отдельности от успехов коллектива в целом. Чем хуже обывателю, тем лучше: «У нас все хотят вернуться к своей обыденной жизни и, утомленные сделанными усилиями, стремятся отдохнуть во что бы то ни стало... Дух немцев с каждым днем становится все хуже. Повсюду встречаются такая низость характера и готовность отказаться от своих убеждений, что остается только плакать... А кто виновен в этой всеобщей низости? Вожди, не сумевшие дать примера твердости. Народ вышел бы из своей апатии, если бы во главе его стали решительные люди... Если мне будет позволено высказать мою наиболее сокровенную мысль, я должен выявить себя сторонником самых крайних средств: я хлестал бы кнутом до тех пор, пока это равнодушное животное (немецкий народ. – А.С.) не взбесилось бы, и я научил бы его разорвать цепи, которыми оно из трусости позволило себя сковать».

В соответствии с этими настроениями Клаузевиц стремится дисциплинировать свои огромные способности, не дать им расплываться и направить их по узкому руслу интересов прусского государства, воспитывая свое сознание по образцу хорошо управляемой монархии, которая устремляет полностью все силы в соответственную сторону, по указанию верховной власти. Шоры прусского национализма Клаузевиц проносил еще свыше четырех лет.

В соответствии с этой программой перевоспитания себя Клаузевиц в Париже интересуется институтом глухонемых Сикара. Преподавание глухонемым, по мнению Клаузевица, – это победа логической ясности и моральной энергии над материальными преградами. Нормальные люди многое воспринимают без всякой критики, глухонемые же подходят ко всему путем логических заключений, так, как мы изучаем геометрию. И в некоторых областях мышление глухонемых, несомненно, должно превосходить мышление нормальных людей как менее изощренных в критике и логике. Ведь и сам Клаузевиц в это время стремился стать ко многому глухонемым, чтобы сосредоточиться на идее государства.

Посещение Клаузевицем Луврской картинной галереи в Париже и осмотр находящихся там пейзажей являлись только данью уважения к специальности его невесты – знатока ландшафтной живописи.

Во Франции Клаузевиц сделал и переслал Шарнхорсту набросок «оперативного плана для Австрии, если она теперь (1807) захочет принять участие в войне против Франции». План этот признается всеми критиками неудачным, так как он разбрасывал австрийские армии, без особой нужды, по всем границам Австрии. Позднее Клаузевиц всегда высказывался за наступление сосредоточенными силами на важнейшем направлении. Но в 1807 году не живые силы наполеоновской армии являлись объектом проектируемых Клаузевицем операций. На первом плане выступало стремление к подрыву престижа Наполеона и его политического положения на огромном протяжении оккупированных немецких, итальянских и голландских областей. Клаузевиц здесь отходит от всех классических образцов и нащупывает стратегию восстания.

Осенью 1807 года наступило время освобождения из плена. Принц Август и Клаузевиц направились в Пруссию через Швейцарию. В Женеве им пришлось задержаться на несколько дней из-за паспортных формальностей. Клаузевиц осмотрел воспитательное учреждение знаменитого педагога Песталоцци, оставившее в нем сильное впечатление.

В это время на берегу Женевского озера, в своей вилле Копэ, проживала в ссылке известная писательница г-жа Сталь. Двадцатичетырехлетний принц Август отправился к ней с визитом и, встретив гостившую у Сталь известную красавицу мадам Рекамье, сразу же влюбился в нее и застрял на берегах Женевского озера на три месяца.

Новый «плен» принца Августа явился рецидивом плена и для Клаузевица, для которого разлука с родиной и невестой увеличилась еще на три месяца. Г-жа Рекамье стала для Клаузевица новым злостью, и ей, конечно, не удалось завоевать симпатий мрачного адъютанта. Клаузевиц отзывался о ней как о простой кокетке: «*Sehr gewöhnliche Kokette*». Отношения с принцем несколько обострились, доклады, которые писал из плена принц, резко снизились в качестве – Клаузевиц перестал прилагать к ним свою руку.

Г-жа Сталь, занятая собиранием материалов для своего знаменитого труда «О Германии», очень ценила беседы с Клаузевицем, скромным офицером, вся личность которого доказывала, однако, что понятие «Германия», так возмущавшее Наполеона, являлось не выдумкой, а реальной действительностью.

Г-жа Сталь много говорила о немецкой литературе, и ее восторженные отзывы о немецких писателях подкупали Клаузевица.

«Кто знаком с немецкой литературой, тот становится человеком вдвойне» – эта фраза Сталь умилила сердце пленного Клаузевица. У г-жи Сталь Клаузевиц постоянно встречался и с ее основным информатором по немецкой литературе и философии, основоположником романтизма, филологом Вильгельмом Шлегелем.

Влияние Шлегеля и Сталь выразилось во враждебных оценках Клаузевицем «характера» французской нации и Французской революции. Шлегель упрекал французов в недостаточном развитии индивидуальности. Все французы похожи друг на друга, как вафли, выпеченные в одной и той же форме. Природа позволила себе роскошь сверх всякой меры – издать одного человека в тридцати миллионах экземпляров. «Надо быть благодарным французу, который при встрече с вами берет на себя труд разыграть заученную наизусть роль своей жизни и при этом не выкладывает ее вам сразу и полностью». Клаузевиц только продолжает мысли Шлегеля в своих заметках. Каждый немец строит фразу по собственному вкусу, а французы говорят и пишут готовыми фразами. Это производит такое же впечатление, как будто люди едят из одной тарелки. Француз напоминает экспедиционную контору, не располагающую собственным товаром, а рассылающую чужие, уже готовые товары (то есть фразы). Французский поэт часто складывает стихи, отдельные строки которых уже встречались у других поэтов.

От этих заметок Клаузевиц перешел к довольно поверхностной разработке темы о немцах и французах вообще, ограничиваясь лишь одной голой психологией и не касаясь проблемы социально-экономического развития обеих наций.

Параллель между этими двумя нациями, из которых одна переживала свою буржуазную революцию, а другая еще не преодолела феодальной ступени развития, являлась в то время модной темой. Клаузевиц подошел к теме как к смотру двух народов перед великой решающей битвой и составил инвентарь их плюсов и минусов, чтобы иметь его в виду при составлении плана войны.

По его мнению, корень своеобразия французской нации лежит в легкой возбудимости чувств и мышления и их непостоянстве. Отсюда у французов их подвижной и богатый ассоциациями ум, их умение тонко различать поверхностные нюансы, их вежливость и благопристойность, их веселость и довольство в частной жизни, но и недостаток углубленности, общность мнений и оценок, механический уклон в эстетических и политических теориях, потребность во внешнем признании, несклонность к умозрению. Поэтому французы очень склонны к политике, у них национальное сознание получает резко выраженный характер. Тщеславие французов дает сильный рычаг в руки правительства, обуславливает воинственное настроение, легко перерождающееся в подлинное мужество. В общем французская нация представляет превосходное орудие для политики, которым равно может пользоваться как монархия, так и республика. Плодородие французской почвы позволило выдвинуть удовольствие на первый план по сравнению с трудом. Французы любят остроты и веселость; они отдают всюду предпочтение

игре перед страстью. Они плохие коммерсанты и негодные философы, но хорошие хозяева и прирожденные рантье.

Немцы по сравнению с французами тяжеловесны, молчаливы, флегматичны, но упорны и глубоки. У них больше жару, чем пламени. Их специальностью является литература и область абстрактного. Серьезность, собственное достоинство, несклонность к внешнему блеску, независимость, индивидуальность характерны для немцев. Обратной стороной этих достоинств является раздробленность общественного мнения, безучастность многих к политике, критическое отношение к мероприятиям правительства. А правительство ведь никогда не может управлять государством исходя только из указаний разума: ему приходится использовать и предрассудки, и страсти, и даже слабости. Ведь если из пушечной бронзы извлечь мягкий цинк, металл станет не крепче, а податливее.

При склонности немцев к вечному резонерству и их односторонности, порождающей систему даже у болтунов и сплетников, происходит постоянное ковыряние в недостатках и охавание своего. Поэтому у немцев не может быть ни национальных героев, ни национального дела. Чем более люди углубляются в мышление, тем шире расходятся их умы. Оригинальность немцев стоит в противоречии с формированием национального сознания. Немец способен усыпить себя софистикой и отступить от своего долга, как поступили в 1806 году капитулировавшие коменданты крепостей.

Из скудости немецкой земли и характера немцев вытекает их трудолюбие и старательность. Жизнь рантье не представляет для немца особой привлекательности. С той же усидчивостью, с которой работает немецкий ремесленник, занимаются в области науки немецкие философы и ученые. Законы и формы политической жизни являются для немцев гораздо более стеснительными, чем для французов. В отношениях немцев к мероприятиям правительства замечается больше эгоизма и оглядки на свои интересы.

В конечном счете, – заключает Клаузевиц, – французы со своей ограниченностью, довольством и тщеславием гораздо легче могут быть скомпонованы в одно целое и легче могут быть управляемы, чем немцы с безграничными запросами их ума, оригинальностью и резонерством. Такое же превосходство в истории имели, в отношении практической политики, римляне по сравнению с греками, на стороне которых, как и немцев, несомненно находилось превосходство в отношении богатства и разнообразия индивидуальности.

Эта параллель между римлянами – французами и греками – немцами в то время была в большом ходу у немецких историков и философов. Но тогда как последних решительно прельщали греки, Клаузевиц, как реальный политик, учитывавший задачи создания образцового буржуазного прусского государства, отдавал явное предпочтение могущественному Риму. В этой работе, оставшейся неопубликованной, Клаузевиц допустил несвойственную ему вообще методологическую ошибку – неисторический подход к теме, вопреки тому, чему учил его Шарнхорст. Национальный характер выступает у него как некая постоянная величина, которая зависит только от почвы и климата. Весь исторический процесс развития классового общества чужд Клаузевицу. Между тем многое из того, что Клаузевиц пытается характеризовать как особенность национального характера немцев, по существу являлось лишь отражением отсталости капиталистического развития Германии от уровня, уже достигнутого Францией.

Суждения Клаузевица о Французской революции, относящиеся к моменту его пребывания в плену в обществе г-жи Сталь и Шлегеля, поражают своей реакционностью. Клаузевиц вступает в бой с распространенным мнением о невозможности противостоять тому широкому размаху и порыву, которые дала революция французскому народу. По его мнению, это величайшее заблуждение. Разве деспотизм Наполеона, – спрашивает он, – не покончил с революцией? Но он не признает и достижений революции. Свидетельствуют ли революционные войны о действительном патриотическом энтузиазме французов и высших проявлениях героизма?

Эти банды грабителей, развернувшиеся на границах против менее многочисленного противника, предводимого старцами, показали ли они действительно прочную моральную спайку? Одержали ли бы они свои победы, если бы в их рядах не было кадров старых войск французской монархии и нескольких талантливых офицеров, которым помогло счастье? В 1444 году на реке Бор 1500 швейцарцев попытались остановить 30 тысяч французских наемников-«живодеров», из этих 1500 швейцарцев после боя осталось только 10 не раненых. Наблюдается ли у французов такое самопожертвование? Если они во время революции обнаружили большую активность, то лишь вследствие нависшей над ними угрозы гильотины. Но террор закончился. Никогда в истории французы не показали примера выдающихся моральных качеств. Надо быть особенно легковерным, чтобы поверить, что революция в несколько дней могла изменить характер народа.

Какой это лепет по сравнению с суждениями Клаузевица о войнах революционной Франции в 8-й, последней части капитального труда (главы 3-я и 6-я), высказанными через двадцать лет!

«Благодаря участию в войне всего народа не одно правительство и его армия, а весь народ со всем присущим ему весом был брошен на чашки весов. Отныне уже не было определенных пределов ни для могущих найти применение средств, ни для напряжения сил... Если все революционные войны протекли раньше, чем их сила была осознана и полностью прочувствована, если революционные генералы еще не устремились неудержимо к конечной цели и не разрушили европейских монархий... то реально это находилось в зависимости лишь от технического несовершенства французской организации... Когда же Бонапарт устранил эти недостатки, вооруженные силы Франции, опиравшиеся на всю народную мощь, прошли из края в край Европы, сметая на своем пути всякое сопротивление столь уверенно и надежно, что там, где им противостояли одни лишь вооруженные силы старого порядка, не возникало даже проблеска сомнения в исходе борьбы. Огромное влияние Французской революции на зарубежные страны заключается, очевидно, не столько в новых средствах войны и взглядах на ее ведение, сколько в коренных изменениях в политике и администрации, в характере правительства, состоянии народа и т.д.».

Разница в этих двух отрывках знаменует собой огромный диапазон развития Клаузевица за два последующих десятилетия.

Шлегель давал Клаузевицу много книг для чтения. Весьма возможно, что в числе их были и первые труды философа Шеллинга, с которым Шлегель был одно время очень близок. Шлегель также был очень близок к Гегелю и познакомил, по-видимому, Клаузевица с началами его философии. В дальнейшем мы встретимся с отчетливыми следами влияния Шеллинга и Гегеля на Клаузевица. Что же касается чар собственно романтизма, проповедуемого Шлегелем, то на реалистическом складе ума Клаузевица они не оставили никакого следа. Униженная, опозоренная Германия заслонялась в мечтах романтиков далеким Средневековьем. Они утешали себя воспоминаниями о германских императорах, совершавших славные походы за Альпы, колесивших по Италии и Палестине. В занятом французами Берлине историк Иоганн Мюллер читал лекции о славе Фридриха II. Это претило реалисту Клаузевицу. «Нация, начинающая жить воспоминаниями в духе Мюллера, находится при смерти. Нация должна ежедневным делом и всегдашней готовностью защищать свою независимость, утверждать свое право на существование», – писал Клаузевиц⁵.

Романтическая проповедь Шлегеля нашла у Клаузевица отрицательную оценку. Рационализм XVIII века естественно должен был вызвать реакцию, выдвигающую на первый план чувство и фантазию. «Детищем этой реакции против рационализма и явилась секта романтиков. Они плывут по течению, и вследствие своего специфически легкого удельного веса плыв-

⁵ Тот жизни и свободы лишь достоин, Кто с бою добывал их каждый день, как воин. Гете. Фауст.

вут скорее других. Но почему я должен отсюда делать вывод, что они могут искуснее других руководить этим течением? Я не холодный резонер; об этом знают мои друзья по моей сердечной привязанности к ним, мое отечество – по непоколебимой верности и преданности, враги его – по моей страстной ненависти и вражде, клятву в которых я дал и держу. Я поэтому не постыжусь и открыто выступить против этого вздорного мистицизма, повсюду направляющего человека к темным берегам, куда лучше было бы вовсе не приставать и где он останавливается в бессилии, как ребенок». Этой точке зрения на романтизм Клаузевиц остался верен всю жизнь.

Конфирматором Марии был пастор Шлейермахер, выдающийся представитель романтики, философ, страстный пропагандист и заговорщик, в 1812 году за счет царизма взявший на себя руководство антифранцузской пропагандой в немецком тылу Наполеона. Литература нацистской Германии тщетно стремится протянуть связь между Клаузевицем и Шлейермахером. На самом же деле Клаузевиц не принимал участия в подпольной работе придворного пастора-философа и никогда не упоминал его имени.

Возвращение в Германию, начатое отъездом из Парижа 1 августа 1807 года и задержанное романом принца Августа с Рекамье, состоялось только в начале ноября. Катастрофа Пруссии унесла с собой молодость Клаузевица. На немецкую почву он вернулся с наполовину созревшим мировоззрением, истомившийся в плену, но еще не отчаявшийся в будущем Германии.

Кружок реформы

Четыре с половиной года провел Клаузевиц на родине, от возвращения из плена в ноябре 1807 года до добровольной эмиграции в апреле 1812 года. Основным тоном настроения Клаузевица за это время было глубокое недоверие и презрительное отношение к своим соотечественникам. Будни немецкой жизни раздражали Клаузевица. Население занималось своим делом и, как казалось Клаузевицу, уделяло недостаточно внимания делу освобождения Германии от наполеоновского гнета.

Он едко отзывается даже о популярной среди патриотов прусской королеве Луизе, которая позволила себе так забыться, что протанцевала однажды до двух часов утра. Допустимо ли такое легкомыслие, когда будущее Пруссии, которую уже почти раздавил Наполеон, столь чревато угрозами? «Жизнь среди поколения, которое само себя не уважает и не способно пожертвовать собой и своим достоинством во имя самой священной цели, отравляет и хоронит все радости существования». «В отношении нашей судьбы я – самый крайний пессимист; по правде говоря, мы и не заслуживаем лучшей участи. Бедное германское отечество! Его гордое чело должно поникнуть. Так хочет судьба, с которой нельзя вступить в спор, так как яд гнусности, беспрерывно отравляющий здоровые части нашей страны и препятствующий всякому выздоровлению, победить еще в десять раз труднее, чем внешнюю тиранию».

Величайшей угрозой для будущего Германии Клаузевицу рисовались ханжество, безмятежность, удовлетворенность существующим положением. Особенно подозрительной Клаузевицу казалась в этот момент философия. Мечтания и абстракция философов могут ослабить порыв к действию. Систематическая смена эпох, о которой говорит Фихте, может умалить значение переживаемого момента и самоценность выдвигаемых им задач. Возможно, Клаузевиц имел в виду и Гегеля, о котором должен был знать от Шлегеля и который после Тильзитского мира занял дружественную Наполеону позицию.

Зиму 1807/08 года, в течение которой Фихте держал «речи к германскому народу», Клаузевиц провел в Берлине, слушал знаменитого философа и читал его только что вышедший труд «Основные черты современной эпохи». Но, по мнению Клаузевица, взгляды Фихте были не слишком практичны и не имели достаточной опоры в истории и опыте.

Клаузевиц вовсе умалчивает о представителе аристократической эпохи «поэтов и мыслителей», Гете, который благоденствовал в Веймаре и на призывы к восстанию против французов давал олимпийский ответ: «Рабы, не звените вашими цепями».

Это раздвоение философских верхов Германии на таких принципиальных противников Наполеона, как Фихте и Шлейермахер, и на восхищавшихся им поклонников, как Гете и Гегель, отражало двойственную позицию всего немецкого общества,

Основным противником Французской революции и Наполеона являлась Англия. Английская политика жадно ловила на континенте всякого возможного союзника и не скупилась на помощь. В сфере ее воздействия оказывались прежде всего аграрные страны, как Пруссия и Россия, во внешней торговле коих Англия занимала командующие позиции, скупая сельскохозяйственное сырье и поставляя промышленные изделия и колониальные товары. Установленная Наполеоном континентальная система больно ударила по этим государствам и господствующему в них классу помещиков. Но в Западной и Южной Германии преобладали потребляющие, а не производящие области, имелись уже начатки промышленности, и последняя под защитой континентальной системы начала энергично развиваться.

Особенно резко при Наполеоне стало возрастать благосостояние Саксонии и рейнских областей. Часть Германии, вошедшей в состав Рейнского союза в орбиту непосредственного руководства Наполеона, получила французский кодекс, сметавший все остатки феодализма и приобщавший немецкие массы к основным завоеваниям Французской революции. Таким

образом, для многих немцев Западной Германии господство Наполеона представлялось как воплощение положительных сторон Французской революции в монархическую форму.

Но если на западе Германии сторонниками Франции во многих случаях являлись либералы, то в Пруссии таковыми были по преимуществу матерые реакционеры. Дело в том, что борьбу Пруссии с Наполеоном трудно было мыслить без апелляции к широким массам немецкого народа. Но, чтобы двинуть прусского крестьянина на борьбу с Наполеоном, раскрепостившим Западную Германию, нужно было предварительно снять с него феодальные оковы и в Пруссии. Борьба с Францией являлась возможной лишь при предпосылке проведения широких либеральных реформ в Пруссии. Перед прусским помещиком стояла альтернатива: или смириться перед Наполеоном, или отказаться от ряда очень доходных феодальных прав и привилегий. Поэтому борьба с Наполеоном в Пруссии втягивала по преимуществу прогрессивные круги.

Борьба с Наполеоном являлась прогрессивным делом и в общегерманском масштабе, поскольку господство Франции знаменовало сохранение Германии в раздробленном виде. Эта политическая раздробленность немецких земель являлась острым ножом для германской буржуазии, ограничивая все ее предприятия карликовыми масштабами, выдвигая перед ней на каждом десятке километров таможенные рогатки. Задачи экономического развития Германии предъявляли настойчивые требования устранить это препятствие. Политика объединения Германии требовала борьбы с Францией.

Этому выводу, однако, в известной мере противоречила внутренняя слабость того класса, который являлся выразителем политики объединения Германии – германской буржуазии. Дряблая немецкая буржуазия не сумела повести решительной борьбы с феодальными кругами. В решительный момент победы над Наполеоном немецкая буржуазия оказалась на поводу у феодальных верхов и осталась, как мы увидим, у разбитого корыта реакционной и расчлененной по-прежнему Германии.

Первые пять месяцев после возвращения из плена Клаузевиц провел в Берлине, разлученный с Шарнхорстом и кружком его друзей, находившихся при правительстве, оставшемся в Кенигсберге. Находясь в одиночестве, Клаузевиц составил записку «о будущих военных операциях Пруссии против Франции». Этот первый план войны за освобождение Германии представляет интерес по своей смелости и новизне стратегических взглядов. «Превосходство в смелости, новшество, быстрота», – так характеризовал он его Марии. «Если наступит крайность (т.е. решение Наполеона уничтожить Пруссию. – А.С.), остается еще путь для нашего спасения, но на этом пути нет ничего обыденного. Все лежит в области нового и исключительного, в которой мы только и можем поднять оружие против нашего врага и получить лучший и, во всяком случае, почетный жребий».

Это план борьбы Пруссии, располагающей сорокатысячной армией, с десятикратным превосходством сил Наполеона. Клаузевиц намечает ведение войны без какого-либо твердого базиса для ведения операций. Надо жертвовать территорией, чтобы не погубить армию. Задача прикрытия прусских областей автоматически вела бы к проигрышу войны и связала бы живую силу армии, являющуюся единственной ставкой, на которую можно выиграть. Оборона безнадежна, и полевые войска, возглавленные решительным вождем, должны быть брошены в тыл врага. Внезапное наступление заставит противника разделиться на много отрядов и ударит в чувствительнейший пункт всей политической системы Наполеона. Оно вызовет взрывы во Франции, где и так имеются близкие к бунту настроения, оно приведет к распадению в рядах вассалов Наполеона и будет развиваться в союзе с общественным мнением Германии и Европы. Крайне трудно уничтожить такую армию, совершенно свободную от какой-либо связи с территорией. Она сможет быстро оправиться от всякого поражения, а значение каждого ее успеха будет несоразмерно велико; если армии удастся несколько продержаться, то она явится вернейшим залогом восстановления Пруссии. Основным соображением в пользу этого

плана являлось тщательно продуманное доказательство обреченности любой борьбы «другими средствами».

Война без территориального базиса и сообщений, исключительная ставка на моральный элемент вместо господствовавшего ранее в военной теории геометрического элемента, противоположный, по сравнению с Бюловым, полюс воззрений на стратегию, бесконечные решимость и радикализм автора – вот характеристика этого плана. Главные силы по замыслу должны действовать методами партизанской войны. В обстановке восстания, гражданской войны такой план, пожалуй, является возможным; вообще же осуществление его превосходит меру риска и ответственности, которые могут быть взяты на себя руководством войны. Это – крайний «левый загиб» в стратегии. Любопытно, что Клаузевиц, разрабатывая этот план из широкой политической предпосылки – борьбы за освобождение Германии, останавливается только на его военной части. Таким же военным специалистом, разрешающим военные задачи по указанию политики, остается он и на протяжении своего капитального труда.

Клаузевиц искусственно ограничивает себя одной военной стороной войны и не предъявляет политике никаких запросов. Его друзья – Шарнхорст, Гнейзенау, – которые находились в отдалении от него, в Кенигсберге, мысль которых также концентрировалась на подготовке борьбы с Наполеоном в тылу последнего, целесообразно и разумно переносили центр плана в область политики, которая должна подготовить восстание в тылу Наполеона и мобилизовать все интересы и силы немецкого народа на борьбу с французами.

У Клаузевица здесь характерный провал. Все его внимание поглощалось внешней политикой, а внутренняя политика, расстановка классовых сил, от которой зависит успех восстания, оказывались вне интересующей его сферы. Армия, которой он оперирует в своем плане, это армия старого порядка, частично пополняемая вербовкой иностранцев. О всеобщей воинской повинности как единственной основе освободительной борьбы маленькой Пруссии с мощным противником у Клаузевица нет ни одного слова. Всеобщую воинскую повинность Клаузевиц продолжал недооценивать до конца жизни. Клаузевиц в этом плане подчеркивает, что военное искусство заключается в разумном сочетании целей и средств, и далее не распространяется на эту тему. Этому суженному представлению о военном искусстве Клаузевиц остался верен и в капитальном труде. Разумная подготовка «средств» никогда не привлекала его внимания.

План Клаузевица исходит из общего для кружка друзей Шарнхорста положения: самый смелый путь является для Пруссии единственно возможным и потому самым надежным. Но было бы ошибочно видеть в радикализме стратегической мысли Клаузевица страсть, увлечение, иллюзионизм. Клаузевиц стремится, хотя и unsuccessfully, быть возможно объективным и трезвым реалистом. Еще незадолго до составления этого плана Клаузевиц бешено обрушивался на Россию за позор заключения Тильзитского мира. В своем же плане он пишет: «Русских всегда обвиняют в том, что они опаздывают» (прийти на помощь своим союзникам. – А.С.). Это то же самое, что печалиться: «Как плохо устроена природа, посылающая зимой снег, когда и без того холодно».

Клаузевиц провел в оккупированном французами Берлине зиму 1807/08 года. Мать Марии по-прежнему отказывала в своем согласии на брак. Еще летом 1808 года Мария писала жениху: «Мама добрая, но молчит». Тактика Марии заключалась в том, что она «по секрету» писала прусским принцессам и знакомым о своем романе с Клаузевицем и этой оглаской заставляла мать в конце концов примириться с необходимостью брака.

Клаузевицу предстояло вновь разлучиться со своей невестой. Прусское правительство ютилось в Кенигсберге. Там находился и Шарнхорст, к которому и стремился устроиться на работу Клаузевиц. Оставшаяся одна в Берлине, Мария занялась самообразованием в области истории, чтобы стать на уровень умственных запросов своего жениха. Научные интересы Клаузевица вращались в области истории и военного искусства. Поэтому Мария перенесла свои интересы из эстетики в историю. В ноябре 1808 года она писала жениху: «Не помню, расска-

звала ли я тебе, что читаю Геродота; он интересует меня неописуемо. Когда читаешь плавное изложение самих античных авторов, получаешь совершенно другое впечатление по сравнению с изучением их через посредство современных компиляций, в которых, в большинстве случаев, полностью утрачивается их дух. Я намереваюсь посвятить такому чтению все время, которое еще проведу здесь». Через 5 недель Мария писала: «Вечерами теперь читаю историю Тридцатилетней войны и, кроме того, продолжаю изучать историю Греции по древним авторам и современным трудам. В эти дни мне бросилось в глаза удивительное сходство между Филиппом Македонским и особой, которую мы знаем (Наполеоном. – А.С.), а также некоторое сходство всего этого времени с нашей эпохой». За Тридцатилетнюю войну Мария взялась потому, что Клаузевиц решил серьезно изучить действия Густава Адольфа в Тридцатилетней войне и этим положить начало своим систематическим занятиям по военному искусству. Мария готовилась дискутировать с Клаузевицем об основных началах его первого крупного труда, вошедшего в IX том посмертного издания.

В начале апреля 1808 года Клаузевиц, сопровождая принца Августа, прибыл в Кенигсберг, куда переехало прусское правительство из оккупированного французами Берлина. Здесь работали Штейн, Шарнхорст и его друзья над подготовкой военного возрождения Пруссии. Только через 10 месяцев с Клаузевица было снято бремя адъютантских обязанностей при принце Августе, что вызвало его радостный вздох. В феврале 1809 года Клаузевиц был переведен в Генеральный штаб и сделался начальником канцелярии Шарнхорста. Но уже с самого прибытия в Кенигсберг Клаузевиц вошел в тесный круг друзей Шарнхорста, работавших над реформой.

Оккупированная французскими войсками Германия покрылась бесчисленным количеством различных союзов – «фереинов», в большей или меньшей степени нелегальных и различным образом маскировавших свою основную цель – освобождение из-под власти Наполеона. Наибольшую известность среди них получил начавший организовываться в Кенигсберге в момент приезда Клаузевица тайный «морально-научный союз», получивший кличку «Тугендбунд», т.е. Союз добродетели⁶. Для Клаузевица цели Тугендбунда являлись слишком мелкими и умеренными, и он отказался войти в него. После того как по требованию Наполеона Штейн был удален из правительства, а прусский король, наткнувшись на сопротивление сторонников борьбы с Наполеоном, начал подозрительно относиться ко всем конспираторам, Тугендбунд развалился. Он просуществовал всего два года. Воздержался от вступления в это общество и Шарнхорст, что не помешало молве сделать из него самого страшного подпольщика Тугендбунда. Правда, чтобы контролировать действия офицерской молодежи, Шарнхорст провел на руководящий пост директора подпольного «военного института» своего друга и помощника Бойена⁷.

В это время возник также радикальный кружок реформы, собравшийся около Шарнхорста, в который входил и кумир немецкой патриотической буржуазии – Гнейзенау.

Стоявший во главе реформы армии Шарнхорст исходил из убеждения, что ни одна политическая форма, в том числе и предложенная им реорганизация не имеет абсолютной ценности. То, что является духом, т.е. содержанием, выше формы. Дороже всего Шарнхорст ценил признание, что реформа открывает широкую дорогу для выявления национальных достоинств. «В новых порядках нельзя рассматривать отдельных вопросов вне связи с целым. Поднять дух армии, теснее связать армию и народ и указать им направление к их величайшим целям – вот система, лежащая в основе новых порядков».

⁶ Это была довольно невинная конспирация чиновников с участием принцев под негласной опекой прусской королевы.

⁷ Тугендбунд имел и особую военную секцию – «Военный институт» – нечто вроде тайного Военно-научного общества, в котором числилось вначале 38 молодых офицеров.

Когда реформаторская деятельность Шарнхорста оказалась в 1808 году заторможенной увольнением стоявшего во главе кабинета министров Штейна, очень авторитетный, но реакционный прусский генерал Йорк от души одобрил французское вмешательство во внутренние дела Пруссии: «Слава богу, одна безумная башка (Штейн) раздавлена, теперь другая ехидная гадина (Шарнхорст) захлебнется собственным ядом».

В кружке реформы Клаузевиц, перед которым стояла цель – освобождение Германии, получил прозвище «Безусловный». Среди этих талантливых людей – Гнейзенау, Грольмана, Бойена – Клаузевиц быстро занял видное положение, благодаря своему уму и своим определенным взглядам, а также потому, что он являлся наиболее близким другом и доверенным признанного вождя кружка – Шарнхорста.

Г-жа Бегелен, кокетничавшая с Гнейзенау, так описывает часть этого кружка в его героические дни начала освободительной войны (1813): «Гнейзенау выглядит индюком. Клаузевиц имеет на него решительное влияние и представляется мне как вождь партии. Он честолюбив и благоразумен. Мне представляется, что он домогается личного благополучия и скрывает это под маской защиты общих интересов. Самый темпераментный – Грольман». В этой злой характеристике, приписывающей Клаузевицу совершенно несвойственные ему карьеризм и лицемерие, интересно лишь признание чрезвычайно авторитетного положения Клаузевица в кружке передовых людей Пруссии.

При способностях Клаузевица и крупном положении среди людей, взявшихся за переделку прусской армии, следовало бы ожидать значительного его участия в деле реформы. Ведь он был ближайшим сподвижником Шарнхорста, проводившего в эти годы перестройку вербованных войск старого порядка в современную армию, основанную на коротких сроках службы и всеобщей воинской повинности. Какое богатство вопросов, связанных с наилучшей подготовкой к войне этого «вооруженного народа», должно было представляться Клаузевицу! Однако надо признать, что участие Клаузевица в реформе было чисто формальное. Он явно тяготился им. Эта работа казалась ему слишком мелочной и слишком далекой от поглощавшей его цели – разгрома французов.

Клаузевиц являлся сторонником немедленного выступления для использования того напряжения, которое охватило всю Европу во второй половине года при известиях о поражениях французских войск в Испании и Португалии. Обширная же работа по военной реформе, которая должна была сказаться только через несколько лет, отвлекала внимание от использования благоприятного момента, когда и Австрия зашевелилась и начала вооружаться на борьбу с Наполеоном. Притом Клаузевиц никогда не проявлял интереса к подготовке вооруженных сил, а только к их расходованию. Эта подготовительная работа была тесно связана с внутренней политикой, с борьбой против феодальных пережитков, с новой расстановкой в военных вопросах классовых сил дворянства и буржуазии; все эти вопросы живо волновали Шарнхорста, но оставляли равнодушным Клаузевица, который в политике проявлял крайнюю умеренность взглядов и совершенно чужд был какому-либо радикализму. Если в области стратегических планов Клаузевиц представлял наиболее решительные и новые взгляды, то в работе над реформой армии он оказывался наиболее умеренным и консервативным из всего кружка, что и дало повод г-же Бегелен признать его благоразумие.

Когда Клаузевиц перешел с адъютантской службы на службу к Шарнхорсту, он писал Марии: «Работа мне кажется теперь такой легкой! Я как будто вышел из холодной могилы и в хороший весенний день вернулся к жизни!» Сердечные отношения с Шарнхорстом не нарушались. Последний признавал, что доклады Клаузевица являлись для него отдыхом. Клаузевиц по движению лица Шарнхорста уже догадывался о его резолюции и умел тотчас же совершенно точно облечь его взгляды в соответственные выражения. Общение с Шарнхорстом вливало в Клаузевица новые силы и вызывало в его мрачном настроении светлые проблески.

Вот как он описывает один из них в письме к Марии от 25 апреля 1808 года: «Вчера я стоял на мосту, переброшенном через величественный Прегель, там, где кончается кенигсбергский порт. Углубленный в свои мысли, я смотрел на течение воды. Внезапно я почувствовал себя очнувшимся под влиянием разнообразия впечатлений, теснившихся во мне со всех сторон, и мой несколько возбужденный мозг был поражен множеством различных явлений, которые без моего ведома скользили мимо меня. Я находился в наиболее богатой и оживленной части Кенигсберга. Было воскресенье, и вечерний воздух впервые наполнился благоуханием весны. Все было в движении. По мосту катились коляски с нарядными женщинами, следовавшими на какое-то торжество. Проходили купцы, оживленно беседуя о своих капиталах, доверенных сомнительным волнам моря. Озабоченный государственный деятель проезжает в коляске через толпу, не замечая ни окружающую его толчею, ни ордена, блестящие на его груди и привлекающие взоры всех. На мосту сидит нищенка и изливает, напевая вполголоса, свои горести невнимательному слуху прохожих. Удовлетворенная мелодия одинокой флейты снисходит на воду с высоты балкона. Значительно больший авторитет чувствуется в гулком сигнале горна, который с высоты замковой башни слышен всему Кенигсбергу. Я не знаю, возможно ли этими штрихами восстановить картину, но человек, который одновременно воспринимает эти столь различные впечатления, чувствует, как они складываются в удивительное настроение».

Но, по существу, организационная работа не удовлетворяла Клаузевица. Важнейшие социальные сдвиги того времени были ему чужды. Когда Шарнхорст провел отмену телесных наказаний в армии, Клаузевицу было поручено поддержать это очень важное мероприятие в печати. «Ты можешь себе представить, – писал он Марии, – что на третьей статье я был уже сыт этим законом по горло». Этот недостаток энтузиазма Клаузевица к реформам выступает особенно ярко по сравнению с Гнейзенау, разразившимся громовой статьей «Свобода спины». Гнейзенау вспоминает о слове «свобода», которое раздается уже двадцать лет по Европе. Теперь дело идет о свободе в узком понимании – о свободе солдата от палочных ударов. Эта свобода является предвестницей классовых изменений в составе армии, установление ее является необходимой подготовкой для проведения всеобщей воинской повинности.

Расхождение в вопросах внутренней политики в кружке реформы смягчалось тем, что многие члены кружка, например Гнейзенау, считали все правительства государств, сохранявших еще старый порядок, обреченными. Но они стремились избежать больших потрясений и увещевали королей в необходимости «революции свыше». В конце 1809 года Клаузевиц, с беспокойством думая о революции, писал: «Я полагаю, что материал для смуты залегает повсюду очень глубоко и в большом количестве и вызовет еще явления совершенно другого порядка, чем виденные нами. Европе не уйти от крупной и всеобщей революции... Только те короли, которые поймут истинный смысл предстоящего преобразования и сами постараются его предупредить, смогут удержаться... Правда, в небольшом количестве имеются малодушные, которые стремятся удержать этот поток, первые капли которого уже оросили их одежду. Явления, вызываемые с безудержной мощью натиском эпохи, они склонны приписывать козням партии, тайного общества или даже отдельных лиц».

Кружок либеральных, весьма умеренных реформ и являлся в глазах реакционных помещичье-юнкерских кругов той партией, от которой шла вся революционная зараза. Самым злокозненным был, конечно, Шарнхорст, которого они считали английским шпионом. «Благонамеренные» установили за ним наблюдение и действительно открыли тайные сношения Шарнхорста с английским правительством через капитана торгового судна. Но здесь «благонамеренные» просчитались: они забыли, что основным двурушником был прусский король, явный союзник Наполеона, защитник континентальной системы, поддерживавший, однако, через Шарнхорста связи и с враждебной Англией. «Благонамеренным» пришлось извиниться и потушить скандал.

Несмотря на свою немногочисленность и отсутствие оформленной организации, кружок реформы являлся подлинной политической партией, объединенной на платформе внешней политики, устремленной на освобождение Германии из-под власти Наполеона. И поскольку эта партия ставила выше всего задачу объединения Германии, в ней нарастало критическое отношение к Пруссии и прусскому королю, стремившемуся обеспечить свои маленькие эгоистические интересы. Эта партия резко перешла в оппозицию в 1809 году, когда прусский король отказался поддержать Австрию, вступившую в войну с Наполеоном под общегерманскими лозунгами. «В моих глазах, – писал Штейн, – все династии одинаковы, они представляют только орудие». Клаузевиц сделал заметку: «Постоянные причитания Фридриха II о стремлении австрийской династии к универсальному господству представляют не что иное, как проявление эгоизма». В письме 23 апреля 1809 года он жестоко осуждает прусских офицеров, которые, опасаясь потерять насиженное местечко и предпочитая учебный плац полю сражения, не думают о том, чтобы бросить службу прусскому королю, и кричат о своей лояльности: «У них на языке все время звучит «пруссак», чтобы слово «немцы» не напоминало им о более трудном и священном долге».

В 1809 году ближайшей задачей военной партии являлась помощь Австрии, которая объявила войну Наполеону. Ближайший сподвижник Гнейзенау по защите Кольберга, майор Шиль, командовавший в Берлине гусарским полком, начал на свой страх со своим полком войну с Наполеоном. Прусский король квалифицировал поступок Шили как коллективное дезертирство целого полка. По требованию Наполеона прусский военный суд судил и приговорил к расстрелу Шили и его ближайших помощников, взятых в плен. Клаузевиц и его друзья восторгались Шилем, хотя и осуждали его за неорганизованность выступления. «Смерть Шили огорчает меня, как потеря самого дорогого брата», – писал Клаузевиц.

Самый даровитый в военном отношении и темпераментный член кружка, будущий начальник прусского Генерального штаба Грольман перешел на австрийскую службу. Просьба к прусскому королю об увольнении была выражена Грольманом в следующей форме: «Какая польза будет вашему величеству, если вы задержите меня силой? Вы уничтожите свободного человека, который сражается за ваше дело, и сохраните раздавленного раба, который с внутренней злобой будет относиться к государству, воспрепятствовавшему выполнению его священного долга». Когда Австрия заключила мир с Наполеоном, Грольман переехал сражаться против Франции в Испанию, там был взят в плен, но бежал из Франции в Пруссию.

Клаузевиц полностью поддерживал Грольмана и собирался следовать по тому же пути. Его задержала неудавшаяся попытка, сделанная им совместно с Гнейзенау, организовать коллективный уход из прусской армии в виде создания особого немецкого легиона, который должна была взять на свое содержание Англия и который сражался бы вместе с австрийской армией на самых ответственных участках. Просьба Клаузевица к австрийскому военному уполномоченному в Кенигсберге о переводе в австрийские войска уже запоздала.

Любопытно отношение Марии к предложению Клаузевица перейти на австрийскую службу, что должно было отдалить или даже поставить под вопрос брак с ней. Мария мужественно писала Клаузевицу: «В своих планах на будущее не позволяй мыслям обо мне влиять на твое решение. Все, что я имею, это твоя любовь, но я никогда не прощу себе, если ты для меня из-за моих мнений или желаний принесешь какую-либо жертву, о которой впоследствии пожалеешь. Думай о себе и своей судьбе, а не о моей... Действуй, я выдержу».

Готовившийся перевод Клаузевица в австрийскую армию в 1809 году не состоялся из-за сражения под Ваграмом, после которого было заключено перемирие; оно привело к новому торжеству Наполеона. Вот как реагировала на эти события Мария, готовая на всякие личные жертвы: «Ты понимаешь, дорогой друг, что, получив это сообщение, я не была в состоянии даже взяться за перо, и сейчас еще оно дрожит в моих руках. Я была готова к новым проигранным сражениям, к повторению ошибок и злоупотреблений, но не к такому жалкому концу,

когда светлое пламя, долженствовавшее осветить и согреть всю Германию, оказалось потушенным, как загоревшийся пук соломы. Правда, так быстро изменились настроения вождей, но не нации, но на что способна нация, предводимая такими вождями! Мое сознание теряется в этом хаосе несчастий и унижений, и мое сердце разрывается от представления о твоём горе, отчетливо рисующемся мне. Если бы я могла, дорогой и милый друг, создать тебе достойное бытие ценой счастливейших дней моей жизни, как охотно я бы это сделала для тебя!»

Любовь Марии являлась для Клаузевица «превентивной наградой за богатую подвигами жизнь». Под влиянием ее очарования у Клаузевица «ветви жизненного дерева вновь зазеленели». Без совершения подвига любовь Марии рисовалась Клаузевицу как «грабеж небес». Она являлась «весталкой, поддерживавшей в нем огонь жизни».

Клаузевиц тяжело переживал катастрофическое положение Пруссии, и когда он склонен был считать себя лишним человеком, Мария повела борьбу с его пессимизмом: «Усилия не пропадают даром: ты все же выигрываешь во внутренней силе и совершенстве». «Вообще я твердо убеждена, что жизнь порядочного человека никогда не проходит даром, даже если ему не представляется случая принести обществу определенную пользу. Само его бытие уже является благодеянием для общества, и никогда еще не было большей нужды в этом благодеянии, как в наше время, когда подлинная добродетель встречается так редко. Под влиянием трудностей времени и всемогущего влияния эгоизма, легкомыслия и властолюбия добродетель могла бы совершенно исчезнуть, если бы не продолжало существовать несколько честных, неподкупных и неизменных характеров, хранящих для будущего искры, из которых когда-нибудь разгорится светлое пламя». Пожалуй, для полного понимания переживаний Клаузевица и этого текста, относящегося к концу 1808 года, следует напомнить о том, что это был первый период подъема национально-освободительного движения.

Особенно сильны позиции партии реформы были в 1809 году, когда главной массой прусских войск, сосредоточенных в Померании, командовал Блюхер, вокруг которого создавались легенды, на которого друзья Шарнхорста могли смело положиться. Весь аппарат военного министерства был в руках Шарнхорста. «Король еще не смеет называть нас иначе как доброй партией», – писал Клаузевиц. Человеком «действия» в партии являлся Гнейзенау, с которым Клаузевиц очень близко сошелся летом 1808 года. Дружба между ними играла выдающуюся роль до конца жизни Клаузевица. Поэтому мы сделаем здесь небольшое отступление, чтобы познакомиться ближе с красочным образом этого героя освободительной войны.

Гнейзенау

Отцом Гнейзенау был веселый, беспутный и безродный техник, кочевавший в мирное время в поисках архитектурной работы из города в город, не имевший никогда ни копейки и устроившийся во время Семилетней войны на должность артиллерийского офицера в набранные без разбора имперские войска. Настоящая фамилия его была Нейтхардт. Осведомившись, что в Австрии проживают какие-то богатые Нейтхардты, имеющие очень красивое поместье Гнейзенау, он решил, что для артиллерийского офицера будет выглядеть солиднее, если он к своей фамилии присоединит «фон Гнейзенау».

При проезде через Вюрцбург Нейтхардт воспламенил сердце молоденькой девушки. Состоятельные родители, к тому же ярые католики, не хотели слышать о браке их дочери с каким-то проходимцем, бедняком и к тому же лютеранином. Девушка бежала от родителей и, не имея другого пристанища, следовала в повозке за артиллерийской частью, в которой служил муж. В этой повозке, за два дня до сражения под Торгау, в 1760 году родился наш герой. Охватывающий маневр Фридриха II вынудил обозы к быстрому ночному отступлению. Повозка молодой матери сломалась. Страдая от лихорадки, с ребенком на руках, она пересела на облучок военного фургона, бросив свой жалкий скарб. Ночью она уронила ребенка на дорогу, а к утру скончалась. Новорожденного подобрал обозный солдат. Отец, не найдя в обозе жены, отдал грудного младенца на воспитание в первую попавшуюся крестьянскую семью и забыл его на долгие годы.

Гнейзенау, вспоминая свое детство, говорил, что голода он не знал – у него всегда был кусок черного хлеба, но ноги его не имели никогда обуви. Главное его занятие было пасти гусей. Прошло около десяти лет, когда его разыскали и взяли к себе на воспитание дедушка и бабушка с материнской стороны. Внезапно он был перенесен в состоятельную буржуазную обстановку. Его воспитывали в иезуитской школе в Вюрцбурге, постоянно упрекая в том, что он крещен по лютеранскому обряду. До конца своей жизни Гнейзенау затруднялся определить, католик он или протестант, что несколько не смущало его равнодушия.

От бабушки ему досталось небольшое наследство, которое он пропустил в один веселый год, поступив в Эрфуртский университет. Веселый, находчивый, красивый, очень красноречивый, Гнейзенау всегда и у всех пользовался успехом. Девушки отравлялись из-за Гнейзенау, мужчины дрались с ним на поединках: у Гнейзенау насчитывается в жизни до семи дуэлей, не считая полусерьезных студенческих. Деньги быстро таяли. Уже после одного года студенчества Гнейзенау был вынужден искать себе профессию.

В 19 лет он поступил в австрийский гусарский полк «кадетом», как называли в Австрии юнкеров, рассчитывая быстро сделать карьеру, так как Австрия находилась тогда в войне с Пруссией за баварское наследство. Но война закончилась почти тотчас же после поступления Гнейзенау на службу. Находясь в отпуске, Гнейзенау участвует в дуэли с печальным исходом, за которую ему могло достаться от военного начальства. Тогда, не соблюдая всех положенных формальностей, Гнейзенау раскланивается с австрийской армией и предлагает свои услуги, уже в качестве знакомого с военным делом молодого офицера, маркграфу Ансбах-Байрейтскому, одному из тех мелких немецких князьков, которым война Соединенных Штатов за независимость открыла новые источники дохода – поставку пушечного мяса Англии.

Гнейзенау принят на службу в егерский батальон и работает над своим военным образованием. Мы можем заключить о том, что он не был обыкновенным беспутным малым и что у него были более широкие интересы, по его сохранившемуся неплохому стихотворению 1781 года «На смерть Лессинга». Очередь отправления в Америку доходит до него только в 1782 году, к самому шапочному разбору; сражаться ему уже не пришлось, так как понесенные английской армией неудачи заставили Англию признать независимость Соединенных Штатов.

По возвращении в 1783 году Гнейзенау несколько лет служит в Байрейте, в пехотном полку, и завоевывает себе в небольшом городке всеобщие симпатии. По свидетельству Александра Гумбольдта, посетившего Байрейт в 1796 году, местные жители еще через десять лет после отъезда Гнейзенау с интересом вспоминали о нем.

Но служба в маленьком гарнизоне не удовлетворяет Гнейзенау, несравненно более образованного, чем его товарищи; он изучает науки, требующиеся для военного инженера и офицера Генерального штаба, и обращается к Фридриху II, приступившему к формированию королевской свиты по генерал-квартирмейстерской части, с предложением своих услуг. Фридрих II соглашается и предлагает ему явиться в Берлин. Но Гнейзенау, уволившийся из ансбахских войск, не понравился Фридриху II при личном представлении; Фридрих II обладал удивительной способностью браковать каждого сколько-нибудь талантливую человека. Прусский король обманул Гнейзенау и принял его в прусскую армию, но не в Генеральный штаб, а младшим офицером в пехотный полк, расположенный в глухом силезском гарнизоне.

С 1786 года Гнейзенау на 20 лет погряз в скромном существовании маленького гарнизона. В Силезии Гнейзенау женился – так же молниеносно, как делал все в жизни. Его приятель, жених «хорошенькой Котвиц», бойкой помещицей дочки, был убит на дуэли, и на Гнейзенау, бывшего секундантом, выпал тяжелый долг сообщить невесте это горестное известие. «Хорошенькая Котвиц» пришла в такое отчаяние, что Гнейзенау почувствовал необходимость утешить ее и, не зная ни в чем предела, тут же предложил ей свою руку и сердце.

К моменту катастрофы прусского государства 46-летний Гнейзенау дослужился уже до чина капитана, командовал батальоном, имел пятерых детей и ожидал рождения шестого, читал агрономические труды и деятельно управлял небольшим имением жены.

С этого времени начинается резкий сдвиг в развитии Гнейзенау. Суждения его в начале кампании 1806 года, в противоположность высказываниям Клаузевица, отличались большой зрелостью. Летом 1806 года он записал: «У нас господствует большое недовольство миром. Справедливо ли? Это большой вопрос. Кто бы мог сказать, какой ход приняли бы события при противоположной политике?» Мобилизация вызвала у него замечание: «Поздно, быть может, не слишком поздно». Перед самой катастрофой он писал: «Со стороны я вздыхаю. Много времени упущено, занимались мелочами, давали представления публике, а весьма серьезное дело – подготовку к войне – забыли. Дух офицеров превосходен, на этом можно строить большие надежды, но... Что будут делать французы дальше, я знаю. Но что я буду сам делать, мне неизвестно. Я отчетливо представляю наступление французов вдоль реки Заалы. Но я сижу в низших чинах, и мое слово не имеет цены. У меня щемит сердце, когда я представляю себе последствия. Отечество, избранное мною отечество! Я забыт в своем маленьком гарнизоне и лично могу только драться, но не советовать».

Гнейзенау участвовал в первом же бою этой кампании, под Заальфельдом. При отступлении, прикрывая батарею, батальон Гнейзенау сражался не по уставу – не в сомкнутом развернутом строю, а по-новому – весь рассыпанный в цепь против французских стрелков. Это свидетельствует, что поездка Гнейзенау в Америку не пропала даром, и он не только усвоил американские передовые взгляды на тактику пехотного боя, но и соответственно подготовил свой батальон, забежав совершенно самостоятельно далеко вперед устава.

В бою под Заальфельдом Гнейзенау был ранен и должен был сдать командование батальоном. Уехать для лечения в тыл ему не удалось – катастрофа застигла его раньше. Раненый Гнейзенау в день сражения под Йеной и при отступлении выполняет обязанности офицера Генерального штаба при штабе армии.

В конечном счете посланный для связи из одной колонны в другую, он прибывает в то время, когда эта колонна уже сдалась французам. Возвращается обратно – там армия тоже сдается. Гнейзенау остается одиноким и без средств на территории, занятой французами. А вдали, в Восточной Пруссии, сопротивление при помощи союзников – русских войск – продолжа-

ется. Гнейзенау пытается пробраться в Кенигсберг через шведскую Померанию, но шведская пограничная охрана имеет приказание никого не пропускать. Узнав, что шведские пограничники арестовывают французских шпионов, Гнейзенау прибегает к последнему средству: он подходит к шведским пограничникам и так искусно выполняет роль французского шпиона, что шведы немедленно арестовывают его и доставляют своему высшему командованию. На допросе у шведского генерала Гнейзенау сознается, что сознательно обманул пограничников, и шведы дают ему возможность морем пробраться в Кенигсберг.

В Кенигсберге подвиги и приключения Гнейзенау были награждены чином майора, но он не понравился прусскому королю. В небольшом корпусе, уцелевшем из всей прусской армии, все вакансии оказались занятыми, и Гнейзенау был назначен командовать запасным батальоном. Его просьба – дать возможность сформировать партизанский отряд – была отклонена. Но судьба, систематически мешавшая Клаузевицу выделиться, избрала Гнейзенау своим баловнем.

Наиболее патриотичной в Пруссии была буржуазия небольшого города – крепости Кольберга, многократно выдержавшего в XVIII веке осаду шведов и русских. Сдача шести больших прусских крепостей их комендантами заставила вождей кольбергской буржуазии проявлять особую бдительность по отношению к своему коменданту, старому полковнику фон Лукаду, не пользовавшемуся доверием. Когда же у коменданта крепости произошло столкновение с капитаном Шилем, организовавшим из Кольберга партизанские действия на тылах французов, и комендант приказал арестовать Шилея, по городу разнеслась весть о том, что комендант готовится измену: начался бунт. Депутация горожан требовала у прусского короля дать им другого, надежного коменданта. Необходимость удовлетворить строптивых буржуа заставила короля обсудить этот вопрос со своими министрами. Бейме, один из влиятельных гражданских статс-секретарей, заявил, что встретил только что на лестнице незнакомого майора, который ему кажется очень подходящим для горячего поста коменданта Кольберга. Так состоялось назначение Гнейзенау.

Пробравшись 26 апреля 1807 года с моря в осажденную крепость, Гнейзенау вскоре сделался кумиром местных патриотов. Наполеон выделил для осады крепости корпус Мортье из итальянских и южно-германских контингентов, представлявших войска второго разбора. Гнейзенау, располагая довольно многочисленным гарнизоном, вел упорную оборону на далеко вынесенных передовых укреплениях Волчьей горы. В первом же приказе Гнейзенау, отданном для контратаки на занятую французами Волчью гору, чувствуется прирожденный командир и вождь. Последние слова гласили: «Я сам позабочусь о доставке гренадерам завтрака на укрепления Волчьей горы».

Несмотря на то что силы Мортье и его осадная артиллерия все увеличивались, Гнейзенау бодро защищал крепость. 23 июня Мортье наметил новый штурм и приступил к нему, хотя до него уже дошло известие о заключении Тильзитского мира. Когда выяснился неуспех и этого последнего штурма, на французских батареях взвились белые флаги, и военные действия были прекращены.

На фоне печальных катастроф 1806—1807 годов блестящая защита Кольберга представляла единственное светлое пятно, и Гнейзенау сразу стал национальным героем. Он был включен в комиссию по реорганизации армии под председательством Шарнхорста, и как только Клаузевиц прибыл в Кенигсберг, быстро сблизился с ним. Гнейзенау был на двадцать лет старше Клаузевица, но сразу оценил его превосходство в смысле глубины и ясности мысли. Их связывало глубокое взаимное уважение, а противоположность характеров только сильнее скрепляла их дружбу.

Гнейзенау являлся тем членом кружка, на которого возлагалась задача – убедить короля взять враждебную Франции линию поведения. В конце 1808 года Гнейзенау подал королю записку, в которой излагал, что перед королем стоит альтернатива – или полное подчинение

Наполеону, или вооруженная борьба с ним. Клаузевиц доказывал Гнейзенау, что такое объективное изложение, передающее решение на усмотрение короля, является политической и психологической ошибкой; следовало, напротив, сосредоточить все усилия на доказательстве того, что никакого выбора у короля нет, а существует один путь – сопротивление до последней крайности. «Я хочу, – писал Клаузевиц, – чтобы вы выступали как неумолимый пророк, как непроницаемый сын рока, с которым не улаиваются и не торгуются». Предложения Гнейзенау в конечном счете провалились не из-за «подхода», а из-за страха короля перед народной войной, развертывания которой добивался Гнейзенау.

Уступчивость короля по отношению к французам вынудила Гнейзенау выйти в 1809 году в отставку; вместо выслуженной пенсии ему было дано две тысячи дукатов – полный расчет. С этими деньгами Гнейзенау отправился не к своей семье, которую не видел уже почти три года, а предпринял путешествие через Швецию в Англию и вернулся домой, заехав предварительно в Петербург. В Лондоне Гнейзенау был принят с почетом и вошел в тесную связь с премьером Канингом, принцем Уэльским, графом Мюнстером и другими влиятельными лицами. Однако основная задача, которую ставил себе Гнейзенау, организация за счет Англии германского легиона, который был бы высажен в Германии для поднятия восстания против Наполеона в Ганновере, не удалась; англичане откладывали выполнение этого плана до более удобного момента⁸.

Петербург поразил Гнейзенау своими барскими замашками. По своему рангу полковника Гнейзенау должен был разъезжать в экипаже, запряженном четверкой, чтобы не умалять своего достоинства. Масса дворовых, ничтожное распространение книг, роскошь и убожество и все прочие противоречия крепостнической России периода Александра I произвели на Гнейзенау крайне отрицательное впечатление и привели его к низкой оценке боевой мощи царизма. Известное выражение: «Россия – это колосс на глиняных ногах» – впервые встречается в письме Гнейзенау 1810 года. Письма Гнейзенау семье, рисуящие это путешествие, очень красочны и характеризуют автора как очень наблюдательного человека, врага феодальных пережитков, стремящегося и своих детей воспитать в буржуазно-демократических принципах.

Невесело было возвращение Гнейзенау на родину. Король и правительство в декабре 1809 года переехали из Кенигсберга в Берлин, в черту досягаемости Наполеона, что означало новый этап подчинения прусского короля требованиям Франции. Жена Гнейзенау, не поднимавшаяся над кругозором полковой дамы, была поглощена хозяйственными дрязгами и причитала, что ее муж был полковником, а теперь из-за своих бредней находится в отставке без пенсии. Образование детей было запущено. Имение давало убытки, грозила нищета.

Пруссский король, ссылаясь на требования Наполеона, снял Шарнхорста с непосредственного руководства военным ведомством; правда, его преемник получил указание – в важнейших вопросах совещаться с Шарнхорстом, который был законсервирован на посту инспектора крепостей. Клаузевиц был оторван от Шарнхорста и назначен преподавателем. Наполеоновская тайная полиция работала, и Гнейзенау угрожал арест в случае приезда в Берлин. А побывать в столице Гнейзенау было необходимо. Клаузевиц нанял для него у надежных людей конспиративную комнату в ближайшей к Берлину деревушке Панов.

Канцлер Гарденберг, при конспиративном свидании, обещал Гнейзенау своевременно предупредить его семью в случае требования Наполеона об аресте, чтобы она могла скрыться

⁸ Не все в переговорах Гнейзенау в Англии нам представляется достаточно освещенным. Когда в 1815 году Гнейзенау, при занятии Парижа, вошел в резкое столкновение с Веллингтоном, английским главнокомандующим, отстаивая общенемецкие требования, и Англии оказалось выгодным скомпрометировать Гнейзенау, с английской стороны был пущен слух, что Гнейзенау является собственно генерал-майором английской службы и получает от Англии пенсию, на что Гнейзенау отвечал, что чин генерал-майора он получил в Англии чисто формально, денег никогда не брал и имел единственный подарок от принца Уэльского при возвращении зимой из второй поездки в Англию, а именно шубу.

через австрийскую границу. Кружок реформы сносился под вымышленными именами; партийная кличка Гнейзенау была Кнот, Блюхера – Поппе. Канцлер Гарденберг, занимавший двойственную позицию, просил именовать его Гаук.

Таков был ближайший друг Клаузевица, у которого последний и в 1815—1816 и в 1830—1831 годах был начальником штаба. Приятельница Гнейзенау г-жа Бегелен занесла в свой дневник, что Гнейзенау борется с Бонапартом, но при известных условиях из него самого мог бы выйти немецкий Бонапарт.

Первые работы

В декабре 1809 года Клаузевиц переехал вместе с правительством из Кенигсберга в Берлин. Летом 1810 года, отстраняясь от дел, Шарнхорст устроил своего начальника канцелярии Клаузевица преподавателем Всеобщей военной школы в Берлине, представлявшей продолжение той самой офицерской школы, которую Клаузевиц окончил в 1803 году, а также преподавателем военных наук к кронпринцу, будущему королю Фридриху Вильгельму IV.

Это новое положение и некоторая перспектива военной карьеры должны были наконец удовлетворить требовательную мать Марии, тщетно отговаривавшую пять лет свою дочь от брака с Клаузевицем. 17 декабря 1810 года брак был заключен. Мария писала впоследствии Элизе Бернсторф, своей лучшей подруге: «Любовь, которая скорее привела бы нас к цели и встретила бы меньше внешних и внутренних препятствий, избавила бы нас от некоторого количества горестей, но не была бы и столь богата счастьем и удовлетворением... Мне кажется невозможным пожелать, чтобы этот долгий период испытаний, которые мы были вынуждены пройти, был вычеркнут из моей жизни. Без него у меня не хватило бы значительной части счастливых ощущений, наполняющих теперь мое сердце. При моем внешнем спокойствии, которое часто представляло сильный контраст с пылкостью Карла, было бы, конечно, гораздо тяжелее убедить его во всей силе и искренности моей любви, если бы мне не пришлось так много за него бороться и переносить».

Материальное положение Марии, после выхода замуж, было самое скромное. Племянница жены Клаузевица, Рохова, пишет: «Когда после продолжительного романа Мария Брюль, почти без средств, вступила в брак с Клаузевицем, восхищение вызывала обстановка, частично поднесенная в складчину: все хозяйство состояло из дивана и шести стульев, обитых ситцем, и еще двух-трех предметов мебелировки; Мария была очень счастлива, если ей удавалось угостить куском баранины нескольких собравшихся к ней родственников или добрых друзей».

Взгляды Марии на брак представляют интерес как передовые для буржуазной семьи того времени. Брак не должен являться деловым предприятием: «Чтобы достигнуть в браке наивысших результатов, по моему мнению, женщина не должна быть менее зрелой и образованной, чем ее муж. Она должна предварительно пройти весь тот путь, который может совершить одна». Мария была вполне подготовлена к роли семейного «начальника штаба», которую рисовала жениху так: «Мы будем совместно обсуждать и размышлять над всем, что касается нас обоих, а решать ты будешь один, и я подчинюсь всему, что ты признаешь за наилучшее». Так как Мария чувствовала себя при Клаузевице «в гармонии сама с собой и с внешним миром», то надо полагать, что ее доклады, как правило, утверждались.

Рохова так характеризует супружество в эту пору: «У Клаузевица была определенно невыгодная наружность; с внешней стороны обращал на себя внимание его холодный и почти презрительный разговор. Если он говорил мало, то обычно это имело такой вид, что собеседники и обстановка недостаточно хороши для него. Но при этом внутри него жила поэтическая страстность, сентиментальность, идеальная любовь к прекрасной, любезной, образованной, настойчивой жене... эта любовь находила выражение в стихах (в тетради Марии сохранились 14 посредственных стихотворений Клаузевица в духе Шиллера. — А.С.) и отдельных выражениях. При этом он был исполнен пылкого честолюбия и стремления скорее к античному самопожертвованию, чем к развлечениям и удовольствиям на современный лад. У них было немного друзей, но это были надежные и искренно преданные друзья, которые надеялись и ожидали от Клаузевица больше того, что ему удалось сделать по велению судьбы или же вследствие его внутренней замкнутости».

Мария подготовилась быть верной спутницей Клаузевица и на пути его научной работы. В приданое за Марией Клаузевиц получил гетевский стиль и гетевскую широту взглядов.

Клаузевиц преподавал в военной школе полностью один учебный год и большую часть второго. Хотя учебная нагрузка Клаузевица была значительная – 4 часа в день в школе, 3 часа у кронпринца, все же в его распоряжении оказалось полтора года, чтобы впервые планомерно проработать свои мысли по тактике и стратегии. Кроме того, Клаузевиц принимал очень плодотворное участие в составлении прусского пехотного устава 1811 года, чрезвычайно упростившего обучение пехотинца.

Основное внимание Клаузевица в это время было привлечено к вопросам стратегии, внешней и военной политики, и преподавание не слишком вдохновляло его. Перед началом второго учебного года, летом 1811 года, он писал Гнейзенау: «Близится время, когда Берлинская военная школа откроется вновь и мне снова придется вызывать заклинаниями, как привидение из клубов дыма, мою абстрактную мудрость и демонстрировать ее слушателям в блеклом мерцании и в неясных, неопределенных контурах».

Когда Фридрих II послал генералу Винтерфельду свой военный труд «Мысли и общие правила», то этот генерал написал ему следующие строки, в которых, помимо придворной льстивости, очень ясно звучит и ограниченность, отбрасывающая всякие сомнения и лежащая в основу не только фельдфебельской, но иногда и профессорской самоуверенности и авторитетности: «С этой драгоценной полевой аптекой я всегда буду чувствовать себя так твердо, что никакой неприятельский яд не сможет мне повредить».

У Клаузевица, конечно, такой аптеки не было, и он вкладывал все свои силы, доказывая, что набор таких готовых средств представляет чистое шарлатанство, что военное искусство не знает панацей – лекарств, помогающих во всех случаях. Требования, которые ставил перед собой Клаузевиц, были очень высоки. Его мышление не довольствовалось отрывочными замечаниями и взглядами на военное искусство как на нечто аморфное, распыленное, не имеющее структуры. У него была умственная потребность рассматривать военное искусство диалектически, в его внутренней связи, как органическое целое.

В этом отношении мышление Клаузевица резко отличалось от механистических взглядов XVIII века.

Это ясно видно на примере определения тактики и стратегии. Механистическое определение Бюлова: «Стратегия – это наука о военных передвижениях вне поля зрения неприятеля, а тактика – в пределах его» – воскресло в европейских армиях через сотню лет в различных столь же механистических определениях: стратегия – вождение армий, тактика – вождение войск; или: стратегия – вождение войск на театре войны, тактика – на поле сражения; или: тактика – военное искусство в объеме действий командиров дивизий и более низших начальников, стратегия и оперативное искусство – военное искусство командиров корпусов и более высших начальников. Клаузевиц же в 1811 году противопоставил этим механистическим взглядам свое очень глубокое, философское определение: «Тактика – это использование вооруженных сил в бою, а стратегия – это использование боев для достижения конечной цели войны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.